А-6
Б16
39581
О религии
1862

А-6
Б16
21
1go.
~~№ 91.~~
Н-6
Фот.

протопресвитер В. Б. Баш...

БИБЛИОТЕКА
Московской
Православной Духовной
Академии
Инв. № 33581
Н10

О
РЕЛИГІИ.

I. О религіи естественной.

II. О недостаточности ея.

III. Объ откровеніи.

IV. О христіанской религіи.

БИБЛИОТЕКА

Ярославскаго Епархіальнаго Женскаго Училища Совѣтъ

Н10

39581

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Сунодальной Типографіи.

1862.

ныхъ дѣйствій; но Религія истинная есть драгоцѣннѣйшій даръ Творца, величайшее, ничѣмъ незамѣнимое благо для человѣчества.

Религія есть главная опора нравственности, и потому имѣетъ самое благодѣтельное вліяніе какъ на благосостояніе того, кто питаетъ ее въ душѣ своей, такъ и на общественное благосостояніе людей во всѣхъ отношеніяхъ жизни. Безъ Религіи не можетъ стоять государство; потому что безъ нея разрываются всѣ узы, соединяющія человѣчество. (*)

Религія не только дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, то есть, существомъ нравственнымъ, подавая ему побужденіе и силу, поступать, вопреки влеченію страстей, по совѣсти, по долгу, но и сообщаетъ свѣтъ его уму, блуждающему безъ Религіи во мракѣ неизвѣстности, и спокойствіе сердцу, которое только въ вѣрѣ въ Бога-Промыслителя находитъ истинное свое успокоеніе, утѣшеніе въ несчастіяхъ, надежду въ самой смерти.

Приступающій къ занятію столь важнымъ предметомъ, для истиннаго успѣха въ немъ, долженъ питать въ душѣ своей искреннюю любовь къ истинѣ и желаніе,

(*) Плутархъ о важности Религіи по отношенію къ государству (противъ Кол. гл. 31.) говоритъ, что скорѣе городъ можетъ стоять безъ основанія, нежели государство безъ Религіи, и что Религія есть союзъ и средоточіе общества, опора и утвержденіе всякаго законодательства.

съ познанною истиною сообразовать свое поведеніе. Это внушаетъ намъ Іисусъ Христосъ, когда говоритъ: *Кто хочетъ исполнять волю Божію; тотъ узнаетъ, отъ Бога ли Мое ученіе, или Я Самъ отъ Себя говорю.* (Іоан. 7, 17.) (*) Въ часы различныхъ недоумѣній, которыя встрѣчаетъ и самый благонамѣренный мыслитель на пути къ истинѣ, и которыхъ иногда не можетъ удовлетворительно разрѣшить намъ ни какой земной учитель, должно обращаться къ небесному Учителю, и взывать къ Нему съ Псалмопѣвцемъ: *Открый очи мои, и уразумѣю чудеса отъ закона Твоего!* И это обращеніе столько же естественно, какъ естественно обращаемся мы для яснаго созерцанія предметовъ вещественныхъ къ свѣту вещественному.

(*) Блаженный Августинъ говоритъ: «Тотъ заблуждаетъ, кто почитаетъ возможнымъ, познать истину, живя нечестиво.» И еще: «Ничто столько не препятствуетъ познанію истины, какъ жизнь, преданная страстямъ.» (August. de vera Religione c. 3.)

ГЛАВА 1.

О Религіи естественной.

Въ Религіи мы находимъ, что она *всеобща* и вмѣстѣ *разнообразна*. Такъ еще Цицеронъ замѣтилъ, что нѣтъ ни одного народа, который не имѣлъ бы Религіи, и что всѣ безъ науки имѣютъ нѣкое врожденное чувство Божества. (*) То же говоритъ и Аристотель. (**) Исторія извѣстныхъ народовъ подтверждаетъ это; а по́ извѣстнымъ можемъ справедливо заключать и о неизвѣстныхъ, тѣмъ болѣе, что въ природѣ человѣческой заключается не способность только, но и побужденіе къ Религіи. Атеизмъ, если только онъ существуетъ, принадлежитъ къ необыкновеннымъ явленіямъ, которыя всеобщности Религіи не опровергаютъ.

Но извѣстно, что Религія является въ родѣ человѣческомъ въ различныхъ видахъ, и во 1-хъ, въ разсуж-

(*) In omnium animis deorum notionem impresſit ipsa natura. Quae est enim gens, aut quod genus humanum, quod non habeat sine doctrina anticipationem quandam deorum? Cic. de natura deor. L. 1. c. 16.

(**) Πάντες ἄνθρωποι περὶ θεῶν ἔχουσιν ὑπολήψιν. Arist. de coelo. L. 2.

деніи Божества, находимъ единобожіе, многобожіе и всебожіе; во 2-хъ, что касается до почитанія Божества, то оно также различно: *внѣшнее*-находимъ въ различныхъ жертвахъ и молитвахъ, *внутреннее*-въ страхѣ или надеждѣ, въ холодномъ созерцаніи или въ пламенномъ чувствѣ.

Важность сего явленія, касающагося всего человѣческаго рода, заслуживаетъ того, чтобъ изслѣдовать начало Религіи.

О началѣ Религіи существуютъ различныя мнѣнія.

1) Были люди, которые производили начало Религіи изъ наставленій политиковъ и жрецовъ, полагая, что они для своихъ выгодъ изобрѣли Религію.

Нельзя отвергать то, что политики и жрецы, равно какъ философы и поэты, не мало содѣйствовали къ тому, что Религія являлась въ различныхъ видахъ; но изъяснять начало Религіи изъ наставленій политиковъ и жрецовъ неразумно а) потому, что Религія древнѣе политики и жречества: Религія служила основаніемъ политики. Такъ Геренъ въ книгѣ о политикѣ народовъ древняго міра говоритъ: «Изъ исторіи политики «ясно открывается, что Религія имѣетъ большую важ«ность по отношенію къ политикѣ, особенно когда обра«тимся къ ея началу. Откуда могли получить свое «утвержденіе и силу законы у грубыхъ народовъ, не

«имѣвшихъ понятія о необходимости исполненія ихъ, «какъ не отъ Религіи, по внушенію которой они ува«жаемы были, какъ повелѣнія боговъ.»—Во времена патріархальныя не было жрецовъ, а жертвы были приносимы, и слѣдственно Религія существовала прежде жрецовъ. Знаменитый естествоиспытатель Шубертъ говоритъ: «Бѣглый взглядъ усматриваетъ, что Астрономія и Богослуженіе въ древнемъ мірѣ не были средствомъ къ цѣли, а были священнымъ упражненіемъ. (*) б) Если бы Религія не имѣла своего основанія въ самой природѣ человѣка; то нельзя понять, какъ она могла бы быть изобрѣтена жрецомъ или политикомъ, принята всѣмъ человѣческимъ родомъ и сохранена чрезъ всѣ времена.

2) Нѣкоторые производятъ начало Религіи изъ созерцанія природы.

Справедливо, что созерцаніе природы содѣйствуетъ развитію религіозныхъ понятій, возбужденію и оживленію религіозныхъ чувствъ, какъ свѣтъ и теплота солнечная дѣйствуютъ на развитіе жизни физической; но производить изъ сего начало Религіи нельзя. Не можетъ быть отвнѣ, чрезъ природу, сообщена человѣку Религія а) потому, что идеи религіозныя выше видимой природы, и б) потому, что вселенная хотя и представляетъ намъ зрѣлище всемогущества, премудрости и благости, но не открываетъ намъ святости, безъ которой Религія не полна.

(*) Schubert Nachseite der Natur. p. 54.

3) Нѣкоторые Богословы производили всѣ религіозныя познанія человѣческаго рода изъ Божественныхъ откровеній, данныхъ первымъ людямъ, и потомъ чрезъ сыновей Ноя распространившихся по всему міру. И вотъ, по ихъ мнѣнію, причина всеобщности Религіи. Въ этомъ случаѣ они основывались на слѣдующихъ историческихъ замѣчаніяхъ:

а) Исторія открываетъ нѣкоторое сходство во всѣхъ древнихъ Религіяхъ касательно ученія или сказанія о началѣ міра и человѣка, о раѣ, грѣхопаденіи, потопѣ и проч; а это сходство ведетъ къ признанію одного общаго источника Религіи.

б) Исторія открываетъ у древнихъ народовъ несоразмѣрность между политическимъ состояніемъ и понятіемъ о Существѣ Высочайшемъ. При всей ихъ грубости и необразованности, понятія ихъ о небесномъ и Божественномъ были довольно высоки; а эта несоразмѣрность ведетъ къ тому заключенію, что самъ Богъ открылъ человѣку понятіе о главныхъ истинахъ. «И въ самомъ «дѣлѣ очень странно,» говоритъ Іоаннъ Миллеръ въ своей всеобщей исторіи, «что древнѣйшіе народы, въ другихъ отношеніяхъ совершенно необразованные, имѣли «нѣкоторыя правильныя понятія о Богѣ, о мірѣ и без«смертіи, также о движеніи свѣтилъ небесныхъ, между «тѣмъ какъ въ искусствахъ, относящихся къ выгодамъ «и пріятностямъ жизни, были малосвѣдущи. Кажется, «духъ нашъ нѣкоторыя необходимыя понятія, до кото-

«рыхъ самъ собою не легко могъ бы достигнуть, получилъ чрезъ непосредственныя наставленія отъ Существа «Всевышняго, и хранилъ ихъ нѣкоторое время. Съ теченіемъ времени чистыя понятія праотцевъ, въ большей «части народовъ, начинаютъ помрачаться.» Подобное говоритъ и Гердеръ: «Слѣды Религіи открываются у са-«мыхъ грубыхъ и бѣдныхъ народовъ. Откуда же она при-«шла къ нимъ? Не ужели каждый изъ нихъ самъ изобрѣлъ «свое богослуженіе?—Нѣтъ. Эти бѣдняки ничего не изо-«брѣтаютъ; они во всемъ слѣдуютъ преданію своихъ пра-«отцевъ. Преданіе есть мать ихъ языка и ихъ Религіи.»

Этого мнѣнія держатся очень многіе. И въ самомъ дѣлѣ, какими бы способностями ни былъ одаренъ первосозданный человѣкъ, онъ имѣлъ нужду въ наставленіи и воспитаніи, которое могъ получить только отъ Бога. Но этого изъясненія недостаточно. Нельзя производить Религію единственно только изъ Откровенія а) потому, что откровеніе или наставленіе Божіе предполагаетъ въ человѣкѣ пріемлемость, и слѣдственно не изъясняетъ перваго начала, а только ведетъ къ нему; и б) потому, что Ап. Павелъ говоритъ объ язычникахъ, чуждыхъ Откровенія, что то, *что можно знать о Богѣ, явно для нихъ, потому что Богъ явилъ имъ.* (Рим. 1, 19.) И въ другомъ мѣстѣ: *Когда язычники, не имѣющіе закона, по природѣ законное дѣлаютъ: то они, не имѣя закона, сами себѣ законъ: они показываютъ, что предписанное закономъ написано у нихъ въ сердцахъ.* (Рим. 2, 14. 15.)

4) Наконецъ нѣкоторые хотя и признаютъ, что первосозданные человѣки коренныя религіозныя понятія должны были получить отъ непосредственнаго наставленія Божія, но вмѣстѣ съ тѣмъ основаніе Религіи полагаютъ не во внѣшнемъ наставленіи Божіемъ, но во внутреннемъ—въ самой природѣ человѣка, и говорятъ, что человѣкъ по самой природѣ своей есть существо религіозное, или, что то же, потребность Религіи Творецъ положилъ въ самое основаніе природы человѣческой.

Это мнѣніе справедливо и основательно, потому что а) при немъ становится понятнымъ и *всеобщность и разнообразіе* Религіи, и именно: Религія *всеобща*, потому что имѣетъ основаніе въ общей всѣмъ людямъ природѣ человѣческой; *разнообразна*, потому что общая всѣмъ людямъ природа человѣческая является на разныхъ степеняхъ нравственнаго образованія, и подвержена вліянію разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. б) Если бы въ самомъ человѣкѣ не было расположенія и побужденія къ Религіи; то какъ онъ могъ бы принять, и при всѣхъ переворотахъ, при всѣхъ препятствіяхъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, сохранять ее во всѣ времена? Какъ могъ бы дойти до такой крайней нужды въ ней, что лучше захотѣлъ какую нибудь тлѣнную вещь почитать за Бога, нежели быть безъ Бога?

И такъ обратимся къ природѣ человѣка.

Разсматривая человѣка со стороны нравственной, мы находимъ въ немъ три главныя способности: 1) способность познавать, которая стремится къ истинѣ, 2) способность желать, которая стремится къ святости, или нравственности, и 3) способность ощущать, которая стремится къ счастію, къ блаженству. Сіи три способности духовной природы человѣка, свойственныя просвѣщенному и непросвѣщенному, выражаютъ потребность Религіи, и ведутъ къ ней. (*)

1) *Религія есть потребность способности познавательной, или разума.* Разумъ по своей природѣ стремится къ пріобрѣтенію познаній о разныхъ предметахъ; но чѣмъ мы можемъ увѣриться въ правильности пріобрѣтаемыхъ нами познаній, въ согласіи ихъ съ познаваемыми предметами, если не будетъ высшаго начала нашей увѣренности, не будетъ вѣры въ Бога? Тогда только я могу вѣрить моему уму и моимъ чув-

(*) По ученію Платона истинное, доброе и прекрасное принадлежитъ къ существеннымъ благамъ нашего духа, и онъ стремится къ обладанію ими, какъ къ нѣкоему потерянному наслѣдству.

Сіи врожденныя чувства истиннаго, добраго и прекраснаго, обнаруживающіяся въ каждомъ человѣкѣ, хотя въ различной степени, при открытіи истины, при взорѣ на прекрасное, при представленіи истинно благороднаго и добродѣтельнаго поступка, составляютъ благородство человѣка, и продолжаются и тогда, когда чувственный покровъ нашъ приближается къ своему разрушенію.

ствамъ, когда я вѣрю, что они даны мнѣ отъ Бога, существа истиннаго. Безъ этой вѣры скептицизмъ неизбѣженъ. Эта вѣра есть тотъ краеугольный камень, на которомъ должны утверждаться всѣ познанія человѣческія. Безъ Религіи все для человѣка сокровенная тайна, и человѣкъ во мракѣ.

2) *Религія есть потребность способности желательной.* Каждый человѣкъ чувствуетъ въ себѣ нравственный законъ-стремленіе къ добру и отвращеніе отъ зла. Безъ Религіи этотъ законъ остается безъименнымъ предписаніемъ, не имѣющимъ обязательной силы. Одна только Религія дѣлаетъ его яснымъ, указывая на его начало, живымъ и дѣйственнымъ, указывая на его цѣль.

3) Потребность счастія, или *стремленіе къ блаженству* есть также потребность Религіи, потому что требуетъ такого существа, которое путемъ истины и добродѣтели привело бы человѣка къ наслажденіямъ истиннымъ. Наслажденія чувственныя не только не удовлетворяютъ нашему стремленію къ блаженству, но и, не будучи освящаемы Религіею, дѣлаются отравою для души и тѣла.

Такимъ образомъ въ сихъ трехъ способностяхъ человѣческой природы открывается потребность Религіи. Это можно выразить короче: Человѣкъ по природѣ стремится къ истинѣ, святости и блаженству, и слѣд-

ственно стремится къ Богу; потому что Богъ есть источникъ истины, святости и блаженства. Безъ Бога нѣтъ истины, нѣтъ святости, нѣтъ гармоніи между святостію и блаженствомъ.

Необходимыя условія, или, такъ сказать, составныя части сей, заключающейся въ природѣ человѣка, или *естественной* Религіи суть слѣдующія:

1) Понятіе о Богѣ, какъ о Творцѣ міра и первоначальной истинѣ, какъ о законодателѣ и высочайшей святости, и наконецъ какъ о праведномъ судіи и верховномъ благѣ;

2) Понятіе о человѣкѣ, какъ существѣ разумно-свободномъ, потому что безъ свободы нѣтъ Религіи.

3) Понятіе о будущей жизни, гдѣ неудовлетворяемое здѣсь на землѣ стремленіе къ истинѣ, святости и блаженству должно быть удовлетворено. (*)

(*) По опыту извѣстно, что все на землѣ есть только начало; ни въ чемъ не видно законченнаго совершенства. Наше знаніе есть скудное начало; нѣтъ въ немъ полноты, нѣтъ удовлетворительной ясности, вѣрности и твердости. Слабое, скудное начало и наша добродѣтель; нѣтъ въ ней чистоты, нѣтъ твердости и силы, которыхъ требуетъ совѣсть наша. Мы чувствуемъ и сознаемъ, что цѣль, къ которой здѣсь должны стремиться мы, можетъ быть достигнута только въ вѣчности.

Такимъ образомъ три главные догмата составляютъ естественную религію:

1) Есть Богъ—источникъ истины, святости и блаженства.

2) Человѣкъ есть существо разумно-свободное, стремящееся по природѣ къ истинѣ, святости и блаженству, и слѣдственно Бого-подобное.

3) Есть будущая жизнь, гдѣ стремленіе къ истинѣ, святости и блаженству будетъ удовлетворено высочайшею истиною, святостію и блаженствомъ.

ГЛАВА 2.

О недостаточности естественной Религіи.

Естественная Религія въ настоящемъ состояніи рода человѣческаго недостаточна, то есть, родъ человѣческій, оставленный самому себѣ, безъ вышняго руководства и помощи не можетъ достигнуть высокаго своего назначенія—истины, святости и блаженства.

Недостаточность Религіи естественной открывается 1) изъ исторіи и 2) изъ природы человѣческой.

1) Обращаясь къ исторіи, мы ограничимъ наше изслѣдованіе Религіею народовъ образованнѣйшихъ, каковы были въ древности Греки и Римляне.

Исторія открываетъ намъ, что эти народы, славившіеся просвѣщеніемъ, въ религіозномъ отношеніи находились въ глубокомъ мракѣ многобожія.

А. Символъ вѣры ихъ (если можно употребить такое выраженіе) содержитъ въ себѣ:

а) Вѣру въ одного верховнаго народнаго Бога, которому подчинены многіе боги и богини различныхъ, нерѣдко постыдныхъ и порочныхъ свойствъ, которыхъ представляли въ непристойныхъ, оскорбительныхъ для ума и сердца статуяхъ;

б) Вѣру въ элизіумъ и адъ, гдѣ не было ни какого нравственнаго воздаянія, а только чувственныя состоянія.

Б. Что касается до практической части ихъ Религіи: то въ ней не усматривается ни какихъ слѣдовъ чистой нравственности, ни какихъ отношеній къ внутренней, духовной жизни, ни какихъ правилъ, внушающихъ благоговѣйную любовь къ Богу и дѣятельную любовь къ людямъ; строго внушались однѣ только церемоніи и рабское богопочитаніе.

Были законы, говоритъ Шварцъ, которыми повелѣвалось воздавать почтеніе божествамъ пороками, (бахусу-пьянствомъ, венерѣ-безстыдствомъ) упражнять грубый героизмъ, преслѣдовать враговъ, подкидывать дѣтей, ненавидѣть бѣдныхъ; но не было закона, любить Бога и людей.

В. Внѣшнее богопочтеніе также не имѣло направленія нравственно-религіознаго, а обращено было только къ увеселенію народа, и состояло частію въ пустыхъ, частію въ постыдныхъ, и частію въ жестокихъ

церемоніяхъ. Празднества, жертвы и гимны были соотвѣтственны исторіи боговъ, и руководствовали къ подражанію имъ.

Одинъ изъ защитниковъ Христіанской Религіи о достоинствѣ языческихъ празднествъ говоритъ: «Въ ежегодныхъ вашихъ собраніяхъ не сѣтуйте о чужой смерти, «(о смерти адониса—о сокрытіи солнца) но въ каждый «годъ приготовляйте себѣ утѣшеніе, нужное при вашей «собственной смерти. Бѣдный человѣкъ! Какому радуешься ты пріобрѣтенію, (возвращенію солнца) когда «каждый годъ при этихъ празднествахъ ты теряешь «свою душу.» (*)

Г. Не было также ни какихъ церковныхъ учрежденій, служащихъ къ религіозному просвѣщенію ума и образованію сердца: все было обращено въ пользу политики и жречества. Жрецы долженствовали бы исполнять важную и священную должность наставниковъ въ Религіи; но они были только распорядителями церемоній и закалателями жертвъ.

Если и были люди, которые видѣли нелѣпость языческаго богослуженія; то исторія однакожъ не представляетъ намъ ни одного, который со всею ревностію рѣшился бы возстать противъ такого пагубнаго заблужденія.

(*) Firm. Matern. de errore profanarum Religionum.

Между древними, говоритъ Рейнхардъ, были конечно великіе мужи, заслуживающіе уваженіе и благодарность, каковы суть:

1) Основатели государствъ, давшіе политическое бытіе грубымъ кочующимъ народамъ;

2) Герои, ограждавшіе свободу своихъ согражданъ;

3) Законодатели, споспѣшествовавшіе гражданскому благосостоянію.

Но всѣ они ограничивались только своимъ отечествомъ, смотрѣли на Религію, какъ на дѣло государственное, и старались внушить своимъ согражданамъ только воинственный или политическій духъ, національную гордость и непріязнь къ другимъ народамъ.

И такъ Греки и Римляне хотя и имѣли коренныя религіозныя понятія; но ихъ Религія была омрачена и искажена грубыми плотскими представленіями, при которыхъ разумъ человѣческій не можетъ не сомнѣваться въ самодостаточности, а непорочное сердце не можетъ не краснѣть. Великіе мужи только осмѣивали или оплакивали народную Религію; но никто не рѣшался помочь ей. Отъ сего-то произошло то ужасное развращеніе нравовъ, которое въ такихъ рѣзкихъ чертахъ изображаетъ Ап. Павелъ въ 1 главѣ Посланія къ Римлянамъ, и при которомъ другъ человѣчества невольно

вздыхаетъ о слабости человѣческой природы, оставленной самой себѣ. Это изображеніе не есть какъ бы только нѣкое витійство набожнаго человѣка, огорченнаго развращеніемъ нравовъ, но совершенная истина. Ибо то же самое свидѣтельствуютъ и языческіе писатели: Страбонъ, Тацитъ и Цицеронъ, который въ краткихъ словахъ выражаетъ то, что описываетъ съ подробностію Апостолъ, и именно: «Мы совсѣмъ отступаемъ отъ природы.» (*)

Да и могло ли быть иначе, когда Религія не направлена была къ тому, чтобы пробудить, оживить и усилить нравственные законы, положенные въ сердцѣ, но напротивъ примѣрами боговъ только подавляла ихъ? Могло ли быть иначе, когда богамъ усвояли человѣческія страсти, и вѣрили, что ихъ можно и должно умилостивлять постыдными дѣлами? Могло ли быть иначе, когда, по свидѣтельству Цицерона, «такое было заблуж-«деніе, что даже вреднымъ вещамъ не только усвояли «имена боговъ, но и воздвигали алтари.»

Если отъ Религіи народной перейдемъ къ философской Религіи древнихъ; то и у философовъ, хотя они и возвышались религіозными своими понятіями надъ понятіями народными, не найдемъ полной и чистой системы Религіи. Рано умъ человѣческій начинаетъ спрашивать себя о мірѣ и его началѣ, о чело-

---

(*) Plane a natura ipsa desciscimus.

вѣкѣ и его назначеній, о Богѣ и будущей жизни, но медленно и послѣ безчисленныхъ заблужденій доходитъ до разрѣшенія только нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ. «Я не нахожу,» говоритъ Кантъ, «въ древней филосо-«фіи ни чистаго понятія о Богѣ, какъ существѣ совер-«шеннѣйшемъ, и какъ о нравственномъ виновникѣ и «правителѣ міра, ни основанія истинной нравствен-«ности, которая у Стоиковъ является слишкомъ суро-«вою, у Епикурейцевъ слишкомъ слабою.»

Но главный недостатокъ всей древней философіи былъ тотъ, что ея ученіе было неопредѣленно и нетвердо, и потому если и встрѣчаются въ ней высокія истины, то онѣ не болѣе значатъ, какъ только гаданія и предположенія. Впрочемъ если бы даже философія и представила полную и твердую систему Религіи, и тогда она доставила бы удовлетвореніе только одной изъ трехъ потребностей или побужденій духовной природы человѣка—побужденію къ истинѣ, потому что, показывая ему его назначеніе, она не могла бы подать ему дѣйствительныя средства къ достиженію его.

Самое лучшее у лучшихъ языческихъ философовъ находимъ то, что они сознавали недостаточность разума на пути къ истинѣ и нужду въ высшемъ руководствѣ и помощи. Такъ Платонъ говоритъ: «Научить благочестію «никто не можетъ кромѣ Бога.» И это повторяетъ онъ нѣсколько разъ въ различныхъ выраженіяхъ. Цицеронъ: «Не сознается ли самый лучшій изъ философовъ, что

«онъ многаго не знаетъ, и многому долженъ еще учить-
«ся.» И еще: «Природа дала намъ небольшія искры свѣ-
«та, которыя мы худыми нравами и превратными мнѣ-
«ніями гасимъ такъ, что уже никогда не является намъ
«свѣтъ природы.» Ямвлихъ въ жизни Пиѳагора: «Что
«Богу угодно, трудно знать, развѣ кто услышитъ о томъ
«отъ самого Бога, или отъ того, кто слышалъ отъ
«Бога

Вліяніе философіи на Религію народную, если и было какое, то развѣ самое незначительное, потому что она, какъ говоритъ Цицеронъ, «довольствуется ма-«лымъ числомъ послѣдователей, и намѣренно убѣгаетъ «множества.»

II 1) Философы не могли измѣнить и улучшить Религію народную, и 2) они и не хотѣли того, но, какъ выражается Апостолъ, *содержали истину въ неправдѣ*.

1) Не могли:

1) По недостатку согласія между собою, 2) по недостатку собственнаго убѣжденія, 3) по недостатку согласія ихъ жизни съ ученіемъ и 4) по недостатку авторитета.

1) *По недостатку согласія между собою.* Извѣстно, сколько во всѣ времена было разныхъ школъ и сектъ философскихъ, и всѣ онѣ находились между со-

бою въ чрезвычайномъ разногласіи и противорѣчіи: даже касательно первыхъ началъ Религіи столько было различныхъ мнѣній, сколько умовъ. (*) А это разногласіе служило важнымъ препятствіемъ къ распространенію между народомъ полезныхъ истинъ, которыя можно было находить въ системахъ философскихъ; потому что простой народъ не могъ рѣшать, какого ученія, при такомъ разногласіи учителей, должно было ему держаться, какъ наилучшаго. «Чтобы опредѣлить, кто «мудръ,» говоритъ Цицеронъ, «для этого требуется боль«шая мудрость.»

2) *По недостатку собственнаго убѣжденія.* Не имѣя твердой увѣренности въ основаніяхъ Религіи и закона естественнаго, самые знаменитые философы предлагали свое ученіе безъ внутренняго убѣжденія, и не только разногласили между собою, но и сами съ собою не всегда были согласны. Такъ Цицеронъ въ 1-й книгѣ о природѣ боговъ говоритъ: «Претрудный и «претемный вопросъ—вопросъ о природѣ боговъ.» Въ той же книгѣ объ ученіи Платона онъ говоритъ: «О

(*) Климентъ Римскій говоритъ о себѣ, что когда онъ для разрѣшенія вопросовъ о началѣ и судьбѣ міра и человѣка, которые не давали ему покоя, сталъ посѣщать философскія школы, то увидѣлъ въ нихъ созиданіе и разрушеніе, споръ и противорѣчіе: то видѣлъ онъ на прим. побѣду на сторонѣ доказательствъ, что душа безсмертна,—и это радовало его; то видѣлъ онъ перевѣсъ противной стороны,—и это повергало его въ уныніе.

«непостоянствѣ Платона долго надобно говорить.» Въ другомъ мѣстѣ, изчисливши различныя мнѣнія философовъ о природѣ души человѣческой, говоритъ: «Какое «изъ этихъ мнѣній есть истинное, одинъ Богъ знаетъ; «какое изъ нихъ правдоподобное, трудно рѣшить.» (*)

3) *По недостатку согласія жизни съ ученіемъ.* Самые лучшіе изъ философовъ своею жизнію ослабляли силу своихъ правилъ, и нерѣдко совсѣмъ опровергали свое ученіе. Возставали противъ развращенія нравовъ, и писали правила нравственности, между тѣмъ сами преданы были порокамъ, и даже самымъ постыднымъ, какъ повѣствуютъ о томъ языческіе писатели: Діогенъ Лаерцій, Саллюстій, Тацитъ и Лукіанъ, которые обвиняютъ въ постыдныхъ порокахъ не епикурейцевъ только и циниковъ, но и знаменитыхъ философовъ Греческихъ, не исключая Сократа и Платона. О Сенекѣ, который въ своихъ сочиненіяхъ является строгимъ учителемъ добродѣтели и безпристрастія ко всему земному, Тацитъ, Светоній и Діогенъ Кассій говорятъ, что онъ былъ преданъ сладострастію, и столько алченъ до богатства, что въ короткое время неправеднымъ образомъ нажилъ большое имѣніе.—Очевидно, что такіе люди не могли быть учителями и просвѣтителями человѣческаго рода,—какъ это замѣчаетъ Лактанцій: «Какъ «изъ философовъ весьма мало было такихъ, которые «сдѣлали что либо достойное похвалы; то кто не ви-

(*) Tuscul. Quaest. L. 1.

«дитъ, что они не могутъ быть наставниками въ добродѣтели, которой сами не имѣютъ?».

4) *По недостатку авторитета.* Какія бы прекрасныя правила и наставленія въ Религіи ни преподавали философы, народъ не принялъ бы отъ нихъ, какъ отъ людей, не имѣвшихъ ни какого авторитета. (*) Ибо 1) они не были облечены властію, по которой могли бы выдавать свои правила за обязательные законы, и 2) не пользовались особеннымъ уваженіемъ отъ народа, которое, будучи пріобрѣтено великими добродѣтелями, могло бы сокрушить силу чувственныхъ вожделѣній и предразсудковъ, такъ сказать, освященныхъ временемъ. Весьма хорошо говоритъ объ этомъ Лактанцій: «Философы часто доходятъ до истины; но ихъ ученіе не «имѣетъ важности и силы, какъ ученіе человѣческое, «безъ высшаго, то есть, Божественнаго авторитета, и «потому никто не вѣритъ имъ, почитая ихъ такими «же людьми.»

2) Не хотѣли.

Хотя философы и видѣли нелѣпость народныхъ вѣрованій, никогда однакожъ не имѣли столько мужества, чтобы всею ревностію вооружиться противъ суевѣрія,

(*) Дѣйствительно, какую силу могутъ имѣть самыя наилучшія правила безъ авторитета? Ou a beau vouloir etablir la vertu par la raison seule, говоритъ Руссо, quelle solide base peut on lui donner? Philosophes, ces lois morales sont fort belles, mais montrez m'en de grace la sanction. (Emile tome III. p. 187.)

утвержденнаго долговременностію, и не было ни одного изъ нихъ, который болѣе или менѣе не слѣдовалъ бы народнымъ предразсудкамъ. Сократъ одобрялъ отвѣтъ Делфійскаго оракула, что «боговъ должно почитать по «установленію гражданскому.» И Цицеронъ хотя говоритъ, что онъ удивляется, какъ авгуръ, встрѣчаясь съ авгуромъ, можетъ удерживаться отъ смѣха; однакожъ внушаетъ, чтобы въ Религіи учрежденія жрецовъ и авгуровъ были соблюдаемы. Могли ли же быть наставниками человѣческаго рода люди, которые, по выраженію Апостола, *истину содержали въ неправдѣ, и, познавши Бога, не прославили Его, какъ Бога?* (Римл. 1, 18.)

Со времени Христіанства настала лучшій періодъ для Религіи естественной; но это потому, что животворный свѣтъ Христіанской Религіи, разливаясь повсюду, озарилъ и философію язычниковъ. «Истинный «деизмъ,» говоритъ Юмъ, «современенъ Христіанству, (*) «и не изъ школы вышелъ въ свѣтъ, а отъ народа перешелъ въ школу.»

Недостаточность естественной Религіи столько же ясно открывается и изъ разсматриванія природы человѣческой, какъ и изъ исторіи.

Способность, которою человѣкъ доходитъ до Религіи, не только ограниченна и должна непрестанно восхо-

(*) То есть, въ системахъ философскихъ является не прежде, какъ по явленіи Христіанства.

дить отъ одного степени усовершенствованія къ другому, но и разстроена преобладаніемъ чувственности,— что испытываютъ въ продолженіи всей жизни и самые лучшіе изъ людей: всѣ испытываютъ неправильное отношеніе между духовною и чувственною природою, по которому чувственность упреждаетъ разумъ, и беретъ перевѣсъ надъ закономъ нравственнымъ. Отсюда происходитъ безпорядокъ въ познавательныхъ и дѣятельныхъ силахъ; отсюда заблужденія и пороки.

Познанію Религіи естественной и соблюденію ея, кромѣ препятствій *внутреннихъ*—отъ чувственности и фантазіи, отъ наклонности къ злому и лѣности къ умственнымъ занятіямъ, полагаются и *внѣшнія*—отъ множества внѣшнихъ предметовъ, которыми умъ чрезъ мѣру обременяется и развлекается, отъ потребностей физическихъ, препятствующихъ стремленію духа къ горнему, и наконецъ отъ духа времени, то слишкомъ грубаго, то слишкомъ утонченнаго.

Такимъ образомъ и изъ исторіи рода человѣческаго, и изъ самой природы человѣческой въ настоящемъ ея состояніи открывается недостаточность Религіи естественной, которую чувствовали мудрецы всѣхъ временъ, и вмѣстѣ нужда въ нѣкоемъ высшемъ наставленіи, которое не иное должно быть, какъ *Божественное Откровеніе*. (*)

(*) Платонъ говоритъ: Docere pietatem nemo potest, nisi Deus tanquam dux et magister praiverit.

ГЛАВА 3.

Объ Откровеніи.

Откровеніе въ тѣснѣйшемъ значеніи сего слова есть дѣйствіе Божіе сверхъестественное и непосредственное, чрезъ которое сообщаются людямъ истины Богопознанія и Богопочтенія. Откровеніе должно истины естественнаго Богопознанія утвердить, очистить и пополнить такими истинами, которыя или еще не были извѣстны человѣку, или не могли быть извѣстны, какъ то *таинства*.

Но возможно ли Откровеніе, какъ дѣйствіе сверхъестественное?

Откровеніе 1) возможно отъ Бога, 2) возможно со стороны человѣка и 3) со стороны самыхъ истинъ.

1) *Возможно отъ Бога.* а) Если и человѣкъ имѣетъ способность, сообщать другимъ свои мысли и чувства, и чрезъ то раждать въ нихъ новыя идеи, которыхъ сами по себѣ они никогда не имѣли бы; то кто же можетъ отрицать сію возможность въ Богѣ, даро-

вавшемъ такую способность человѣку? —Богъ уже говоритъ намъ чрезъ природу, разумъ и совѣсть, и дѣйствуетъ, какъ Владыка міра: почему же безконечная, вездѣсущая и веедѣйствующая сила Его не можетъ быть достаточною для непосредственныхъ и сверхъестественныхъ дѣйствій?

Богъ есть Владыка внѣшней природы, и потому Онъ не только посредственно, но и непосредственно можетъ производить въ ней внѣшнія дѣйствія, и чрезъ то вести людей къ познанію истины, или чрезъ символы и образы для глазъ, или посредствомъ звуковъ для слуха.

Богъ есть Владыка и духовъ, а потому можетъ дѣйствовать и на нихъ чрезъ внутреннее вдохновеніе на умъ, внушая ему новыя идеи, или сообщая имъ высшее, особенное направленіе.

б) Откровеніе, возможное для всемогущества Божія, не противорѣчитъ и прочимъ совершенствамъ Его, какъ то: премудрости, благости, святости и проч; напротивъ изъ него они еще яснѣе открываются. Ибо хотя разумъ въ человѣкѣ есть гласъ Божій, вѣщающій ему, что истинно и справедливо: но какъ онъ не есть что либо отдѣльное отъ человѣка, а составляетъ существенную принадлежность его природы; то человѣкъ внушенія разума легко почитаетъ какъ бы своими, забывая о Виновникѣ природы, и потому мало уважаетъ ихъ. А какъ

чрезъ внѣшнее откровеніе мы научаемся высокимъ и плодотворнымъ истинамъ, яснѣе познаемъ наше отношеніе къ Богу и ближнимъ; то очевиднѣе изъ сего открывается святое и благое Провидѣніе, которое управляетъ всѣмъ, что относится къ духовной, нравственной жизни человѣка, помогаетъ слабому его уму, и руководствуетъ его къ истинѣ. Здѣсь-то Богъ и является отцемъ, промыслителемъ и воспитателемъ человѣческаго рода.

2) *Возможно со стороны человѣка.* а) Человѣкъ, какъ гражданинъ міра чувственнаго и сверхъчувственнаго, можетъ принимать наставленіе какъ изъ того, такъ и другаго міра. Если онъ вообще способенъ возрастать въ своихъ религіозныхъ понятіяхъ отъ наставленій человѣческихъ; то тѣмъ болѣе можетъ совершенствоваться въ нихъ отъ Божественнаго наставленія. Мы имѣемъ способность принимать посредственныя наставленія отъ Бога: почему же не можемъ принимать непосредственныя чрезъ внутреннее вдохновеніе и чрезъ внѣшнее провозвѣстіе, которое Онъ, зная нашу природу, какъ дѣло рукъ своихъ, можетъ устроить соотвѣтственно нашимъ способностямъ. Зачѣмъ хотятъ человѣка, который весь находится подъ водительствомъ Божіимъ, такъ далеко отдалить отъ Бога?

б) Откровеніе не противорѣчитъ самостоятельности человѣка, и сообразно съ его достоинствомъ. Ибо извѣстно, что человѣкъ и до обыкновенныхъ истинъ дохо-

дитъ больше чрезъ наставленіе отъ другихъ, нежели чрезъ собственное изслѣдованіе. Безъ помощи воспитанія умственныя силы находились бы въ душѣ его въ усыпленіи. Если же разумъ человѣческій, стремящійся къ познанію, имѣетъ нужду въ наставленіяхъ человѣческихъ: то какъ несравненно вѣрнѣе и совершеннѣе будетъ его познаніе тогда, когда онъ будетъ имѣть Бога своимъ учителемъ! Человѣкъ, сдѣлавшись болѣе внѣшнимъ, всегда имѣетъ нужду въ нѣкоемъ очевидномъ, чувственномъ доказательствѣ, которое могло бы подтвердить союзъ его съ Богомъ. Не для одного только простаго народа, руководствующагося большею частію видимымъ и чувственнымъ, но и для самаго глубокаго мыслителя Откровеніе есть величайшее благодѣяніе. Человѣкъ всегда остается человѣкомъ, подверженнымъ страстямъ и заблужденіямъ. Разумъ въ самыхъ образованныхъ людяхъ не всегда бываетъ въ силѣ. Въ часы искушенія, когда буря страстей поднимается, во дни несчастій, когда человѣкъ неспособенъ бываетъ къ отвлеченному мышленію, къ ученымъ изслѣдованіямъ, къ философскому созерцанію, когда духъ его болитъ, упадаетъ,—тогда разумъ бываетъ безъ силы, тогда слабый человѣкъ чувствуетъ въ себѣ необходимую потребность въ ближайшемъ и очевидномъ откровеніи, которое доставило бы свѣтъ его уму, успокоеніе сердцу и крѣпость всей его дѣятельности. И вообще человѣкъ на пути жизни имѣетъ нужду въ несомнѣнномъ свидѣтелѣ для своей вѣры, въ вѣрномъ поручителѣ для своей надежды, въ поощряющемъ учителѣ для любви,—

имѣетъ нужду въ вѣрномъ руководителѣ на пути къ высшему своему назначенію, которое онъ, будучи оставленъ самому себѣ, часто теряетъ изъ вида, и теряется.

3) *Возможно со стороны самыхъ истинъ.* Откровеніе должно содержать въ себѣ истины, частію постигаемыя разумомъ, частію непостижимыя, или таинства. Невозможность со стороны истинъ Откровенія была бы тогда, когда онѣ были бы безполезны или излишни. Но а) Откровеніе и тогда было бы величайшимъ для насъ благодѣяніемъ, если бы и не сообщало намъ ничего кромѣ того, до чего можно доходить и разумомъ, какъ потому, что чрезъ Откровеніе мы скорѣе и вѣрнѣе доходимъ до познанія истины, такъ преимущественно потому, что разумное наше познаніе получаетъ отъ него утвержденіе и силу. б) Что касается до таинствъ; то хотя они и непостижимы для нашего разумѣнія, но они не суть одно сочетаніе словъ, не имѣющее смысла, въ каковомъ случаѣ они были бы совершенно безполезны, и слѣдственно невозможны. Мы разумѣемъ подъ таинствами высокія истины, которыя, будучи принимаемы вѣрою, могутъ имѣть благотворное вліяніе на нравственность. На примѣръ, воплощеніе Сына Божія есть таинство высочайшее, превысшее разумѣнія не только человѣческаго, но и Ангельскаго; не смотря однакожъ на то, какое обиліе высокихъ чувствъ раждаетъ оно въ благочестивомъ сердцѣ, свидѣтельствуя о безконечной

любви Божіей, и вмѣстѣ какую пищу доставляетъ оно уму—смиренномудрствующему! (*)

Если же Откровеніе необходимо для человѣка; то онъ долженъ желать и просить его у Бога. Если же оно уже дано роду человѣческому; то каждый долженъ съ благодарностію къ Богу принимать его. Но чтобы вмѣсто истиннаго Откровенія не принять ложнаго, вымышленнаго, для этого мы должны руководствоваться нѣкоторыми правилами, по которымъ могли бы отличить истинное отъ ложнаго, и слѣдственно Откровенная Религія должна имѣть признаки своей Божественности.

О признакахъ Божественнаго Откровенія.

Признаки Божественнаго Откровенія могутъ быть а) *внутренніе*, заключающіеся въ самомъ содержаніи

(*) Возражаютъ: «Принимать таинства, какъ вещи, для «ума непостижимыя, значитъ—отказаться отъ правъ своего «ума и вѣрить слѣпо,—что пагубно и съ достоинствомъ человѣка несообразно.»

Отвѣтъ: Истинно вѣрующій вѣритъ не безъ основанія, вѣритъ не просто таинствамъ, но тому, кто открываетъ ихъ,—и знаетъ, почему вѣритъ.

Откровенія, и б) *внѣшніе* — въ провозвѣстникахъ Откровенія.

Внутренніе признаки Божественнаго Откровенія:

1. Откровеніе не должно содержать въ себѣ ничего противорѣчущаго здравому разуму, или тому ученію, которое Богъ внушаетъ намъ чрезъ разумъ. Ибо Откровеніе, которое содержитъ въ себѣ что либо противорѣчущее разуму, не можетъ происходить отъ Бога, потому что Богъ не можетъ противорѣчить Самому Себѣ, и не можетъ быть принято человѣкомъ, потому что онъ не можетъ отречься отъ основныхъ началъ истины, положенныхъ въ его природѣ. Поэтому не можетъ быть Откровенною Религіею та, которая противорѣчитъ *истинѣ*, и внушаетъ ложныя понятія о Богѣ, и *нравственности*, или на мѣсто нравственности поставляетъ пустыя церемоніи, не имѣющія ни какого отношенія къ нравственной, духовной жизни.

Но при семъ крайне должно остерегаться того, чтобы предразсудковъ, утвержденныхъ временемъ, не признать за истины разума, (*) или кажущихся противорѣчій не почесть истинными, и чтобы того, что превыше разума, не почесть противорѣчу-

---

(*) Цицеронъ говоритъ: Ita variis imbuimur erroribus, ut vanitati veritas et opinioni confirmatae natura ipsa cedat. (Lib. III. Tusc. Quaest.)

щимъ разуму, и чрезъ то не исключить изъ Откровенія многихъ высокихъ истинъ, не постигаемыхъ разумомъ.

2. Откровеніе должно содержать въ себѣ *истины*, для достиженія назначенія человѣческаго *необходимыя*, или очень полезныя, и прежде, по крайней мѣрѣ, *отчасти непознанныя.*

Откровеніе должно содержать въ себѣ а) истины для насъ *необходимыя*, или особенно полезныя, потому что оно не можетъ быть дано безъ какой либо важной цѣли, и слѣдственно истины, въ немъ заключающіяся, должны быть необходимыя и благотворныя для насъ, и б) истины, по крайней мѣрѣ, *отчасти непознанныя*, потому что Откровеніе дается въ помощь людямъ, и слѣдственно должно содержать въ себѣ истины, имъ и неизвѣстныя.

Въ самомъ понятіи Откровенія уже заключается, что оно должно содержать въ себѣ истины, до которыхъ оставленный самому себѣ человѣкъ или никогда не достигъ бы, или не такъ скоро и не такъ вѣрно. Безъ сомнѣнія Откровеніе должно содержать въ себѣ и такія истины, до познанія которыхъ человѣкъ доходитъ и собственнымъ разумомъ; потому что оно имѣетъ цѣлію возстановить и усовершенствовать разумную природу человѣка. Цѣль въ откровеніи такихъ истинъ есть та,

чтобы утвердить и возвысить ихъ въ достоинство истинъ Божественныхъ, и тѣмъ самымъ побудить человѣка къ уваженію и соблюденію ихъ. Въ разсужденіи такихъ истинъ Откровеніе будетъ только по своему провозвѣстію дѣйствіемъ сверхъестественнымъ, по содержанію же естественнымъ.

Внутренніе признаки много содѣйствуютъ къ познанію истиннаго Откровенія и отличенію его отъ ложнаго; но въ настоящемъ грѣховномъ состояніи они недостаточны. Ибо въ родѣ человѣческомъ замѣчается склонность, довольствоваться познаніемъ предметовъ маловажныхъ, земныхъ, и отъ того большое невѣжество въ разсужденіи высокихъ, небесныхъ истинъ, слабость во внимательности, слѣпота въ сужденіяхъ, склонность — доказывать то, что льститъ чувственности, и сомнѣваться въ томъ, что противно нашимъ вожделѣніямъ, и легкомысліе, по которому человѣкъ увлекается настоящимъ и видимымъ, а въ разсужденіи будущаго бываетъ безпеченъ. Поэтому, кромѣ внутреннихъ признаковъ Откровенія, мы имѣемъ нужду и во *внѣшнихъ*, заключающихся не въ самомъ откровенномъ ученіи, но внѣ—въ провозвѣстникахъ Божественныхъ истинъ.

Внѣшніе признаки могутъ быть 1) въ познавательныхъ способностяхъ Божественнаго посланника, который объявляетъ другимъ, что получилъ откровеніе отъ Бога, 2) въ его благочестивой жизни и 3) въ доказатель-

ствахъ, употребляемыхъ имъ во свидѣтельство своего посланничества отъ Бога, каковы—*чудеса и пророчества.*

1) *Въ познавательныхъ способностяхъ провозвѣстника.* Если среди малообразованнаго народа является человѣкъ неученый, низкаго происхожденія, бѣдный, не имѣющій ни какихъ средствъ къ пріобрѣтенію откуда либо мудрости, и возвѣщаетъ такую спасительную и святую мудрость, что превосходитъ въ этомъ отношеніи и самыхъ ученѣйшихъ мужей; то его ученіе, какъ явленіе, изъ естественныхъ причинъ неизъяснимое, по всей вѣроятности, должно отнести къ Богу, который тайны свои утаиваетъ отъ мудрыхъ вѣка сего, и открываетъ младенцамъ.

2) *Въ благочестивой жизни его.* Если такой человѣкъ въ полномъ сознаніи преподаетъ спасительное и высокое ученіе съ величайшимъ благоговѣніемъ къ Богу и любовію къ человѣчеству, преподаетъ потому, что Богъ повелѣлъ ему, и преподавая, презираетъ собственныя выгоды, и презираетъ даже всѣ опасности, явно угрожающія ему за провозвѣстіе новаго ученія; то весьма правдоподобно, что такой человѣкъ проповѣдуетъ истинное Откровеніе, потому что а) невозможно, чтобы человѣкъ съ такимъ благочестіемъ могъ проповѣдывать ложное, вымышленное откровеніе, и б) это совершенно противно человѣческой природѣ, дѣйствующей всегда по побужденіямъ.

3) *Въ чудесахъ.* Наконецъ если человѣкъ, отличающійся благочестивою жизнію, въ подтвержденіе Божественности возвѣщаемаго имъ ученія, совершаетъ чудеса; то мы имѣемъ уже полное удостовѣреніе, что такой провозвѣстникъ Откровенія есть истинный посланникъ Божій, и его ученіе есть истинно Божественное.

Подъ именемъ чудесъ мы разумѣемъ такія дѣйствія, которыя отступаютъ отъ обыкновеннаго порядка вещей, и силами человѣческими произведены быть не могутъ.—Хотя силы человѣческія и вообще силы природы не всѣ извѣстны намъ; впрочемъ могутъ быть такія дѣйствія, которыя каждый долженъ назвать чудесами, то есть, дѣйствіями, превышающими силы человѣческія, какъ на примѣръ: изцѣленіе различныхъ болѣзней, укрощеніе бури и воскрешеніе мертвыхъ— однимъ словомъ.

Чудеса возможны; ибо а) Богъ, неограниченный въ своемъ могуществѣ, какъ постоянно дѣйствуетъ на природу, такъ равно можетъ дѣйствовать на нее и какимъ либо особеннымъ образомъ; и б) природа, всецѣло повинующаяся волѣ Творца своего, такимъ же точно образомъ можетъ производить нѣкоторыя явленія чрезъ особенныя дѣйствія Божіи, какъ она непреложно соблюдаетъ вѣчные законы Его.

Душа дѣйствуетъ свободно въ тѣлѣ, человѣкъ въ природѣ, и Богъ ли не можетъ дѣйствовать непосредственно

въ созданномъ Имъ мірѣ? Чудеса для Бога ни труднѣе, ни легче, какъ и самое сотвореніе и устроеніе природы. Какъ Онъ установилъ посредствомъ законовъ обыкновенный, постоянный ходъ природы для обыкновенныхъ цѣлей; такимъ же образомъ Онъ могъ включить въ великій планъ свой и чудеса для особенныхъ цѣлей.

Чудеса совершенно согласны съ Божественными совершенствами; потому что они явственнѣйшимъ образомъ возвѣщаютъ намъ о Богѣ, какъ о владыкѣ міра, возбуждаютъ въ насъ религіозное созерцаніе природы, и могутъ содѣйствовать удобнѣйшему достиженію человѣческаго назначенія, и именно *нравственности*, если она въ народѣ грубомъ не можетъ быть возстановлена обыкновенными средствами, и *истины*, если Религія положительная должна быть введена или преобразована.

Историческая достовѣрность чудесъ. Въ истинѣ чудесъ отсутствующіе могутъ увѣриться чрезъ свидѣтелей, каковыми могутъ быть враги совершившаго чудеса, друзья и посторонніе лица.

Свидѣтельство враговъ, равно какъ и лицъ постороннихъ, несомнѣнно; потому что нельзя представить ни какихъ причинъ, по которымъ они захотѣли бы выдумывать такія вещи, которыя относились бы къ славѣ лица, имъ враждебнаго, или совершенно посторонняго для нихъ. Но важно также и свидѣтельство друзей,

если а) они были очевидцами тѣхъ происшествій, о которыхъ свидѣтельствуютъ, или, по крайней мѣрѣ, обращались съ очевидцами оныхъ; б) если они извѣстны своею благочестивою жизнію; в) если свидѣтельствовали въ той самой странѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершены были чудеса, среди тѣхъ людей, которые или сами были очевидцами ихъ, или, по крайней мѣрѣ, весьма легко могли знать объ нихъ отъ очевидцевъ, и никто не обличилъ ихъ во лжи, а напротивъ еще многіе держали ихъ сторону, и г) если они за свое свидѣтельство не только не могли ожидать ни какихъ выгодъ, а напротивъ подвергались ненависти, презрѣнію, гоненіямъ, и среди величайшихъ опасностей жизни постоянно свидѣтельствовали объ истинѣ повѣствованія своего. Такое свидѣтельство, постоянное и современное, заслуживаетъ всю нашу вѣру; ибо мы не можемъ представить себѣ въ свидѣтеляхъ ни какихъ другихъ побужденій къ ихъ свидѣтельству, кромѣ твердой увѣренности въ истинѣ.

Сила доказательствъ отъ чудесъ. Чудеса, совершаемыя провозвѣстниками Откровенія, служатъ доказательствомъ его Божественности; потому что, смотря на нихъ, мы разсуждаемъ такъ: Человѣкъ, который, возвѣщая спасительное ученіе, совершаетъ чудеса, совершаетъ ихъ не иначе, какъ силою, дарованною ему отъ Бога. Но мы ни какъ не можемъ представить себѣ, чтобы Богъ даровалъ силу совершать чудеса человѣку, выдающему свое собственное ученіе за Божественное.

Слѣдственно, если Богъ даруетъ кому такую сверхъестественную силу; то тѣмъ явно внушаетъ намъ, смотрѣть на такого человѣка, какъ на своего посланника, и ученіе его принимать, какъ ученіе Божественное.

4) *Въ пророчествахъ.* Пророчество есть ясное, опредѣленное и твердое предсказаніе будущихъ случайныхъ произшествій, оправданное событіемъ. И такъ, чтобы пророчество было истинное, для этого надобно, а) чтобы предметъ его былъ будущій, случайный, то есть, зависящій или отъ воли Божіей, или отъ произвола человѣческаго, и ни самъ въ себѣ, ни въ своей причинѣ не существующій; б) чтобы предсказаніе было ясное, сколько позволяетъ свойство пророчества, в) опредѣленное, а не общее, г) твердое, а не обоюдное и не гадательное, и наконецъ д) чтобы изъ исторіи совершенно было извѣстно, что пророчество случилось прежде произшествія, и что произшествіе въ послѣдствіи времени совершенно соотвѣтствовало предсказанію. Такимъ образомъ пророчество отличается а) отъ предсказаній человѣческихъ—медиковъ, астрономовъ, политиковъ, которыя основываются на природѣ вещей, и суть болѣе предположительныя, а не рѣшительныя, б) отъ предчувствія, и в) отъ предсказаній оракуловъ.

Сила доказательствъ отъ пророчествъ. Пророчества служатъ признакомъ Божественнаго Откровенія; потому что истинное пророчество можетъ происходить

только отъ Бога, который *видитъ помышленія человѣческія издалеча,* и предъ очами котораго все открыто и обнаружено. Это было общее мнѣніе всѣхъ народовъ. Такъ, Цицеронъ говоритъ, что изстари существуетъ мнѣніе, утвержденное согласіемъ всѣхъ народовъ, что есть между людьми нѣкое знаніе будущаго, и что это знаніе происходитъ не отъ ума человѣческаго, но отъ боговъ. (*) Въ Св. Писаніи истинное пророчество представляется отличительною чертою Божества: *Возвѣстите намъ грядущая на послѣдокъ, и увѣмы, яко бози есте.* (Исаіи 41, 23.)

Если же пророчества могутъ происходить только отъ Бога; то и здѣсь мы дѣлаемъ такое заключеніе, что Богъ не можетъ даровать пророчественнаго духа въ подтвержденіе ложнаго ученія. Слѣдственно пророчествующій есть отъ Бога, и возвѣщаемое имъ ученіе есть Божественное.

Пророчества а) возможны *отъ Бога,* потому что Онъ, какъ всевѣдущій, знаетъ все, и, какъ всемогущій, можетъ нѣчто изъ своего всевѣденія открыть и человѣку, и б) возможны *со стороны человѣка,* потому что онъ нѣкоторыя познанія будущаго пріобрѣтаетъ есте-

---

(*) Veterem esse opinionem, a heroicis ductam temporibus, eam et populi Romani et omnium gentium consensu firmatam, versari quandam inter homines scientiam rerum futurarum, eamque non ab ingenio humano, sed a diis proficisci.

ственными силами, а другія можетъ получать изъ Божественнаго Откровенія.

Пророчества также сообразны съ совершенствами Творца, потому что имѣютъ цѣлію утвержденіе царства Божія на землѣ, и а) *познаніе истины*, потому что возвѣщаютъ не только о бытіи Бога, но и о Его предвѣденіи, и б) *утвержденіе* и распространеніе чистой *нравственности*, потому что исполненіемъ пророчества возбуждается покорность волѣ Божіей, питается и поддерживается благоговѣніе къ Богу и упованіе на Него, и вообще обращается вниманіе отъ настоящаго къ будущему, и возбуждается религіозное созерцаніе природы и исторіи.

Внутренніе и внѣшніе признаки Откровенія могутъ служить рѣшительнымъ доказательствомъ его Божественности только въ соединеніи между собою, но взятые порознь они недостаточны; потому что *внѣшніе* не доставляютъ намъ увѣренности въ разсужденіи достоинства и благотворности ученія, а *внутренніе* не доставляютъ полнаго *убѣжденія въ его* Божественности.

Изложивши признаки Божественнаго Откровенія, приступимъ къ разрѣшенію важнаго для насъ вопроса: Имѣетъ ли указанные признаки исповѣдуемая нами Христіанская Религія?

ГЛАВА 4.

О Христіанской Религіи.

Объ Іисусѣ Христѣ, какъ Основателѣ Христіанской Религіи.

Основатель Христіанской Религіи есть Іисусъ Христосъ, по общему вѣрованію Христіанъ, Единородный Сынъ Божій, истинный Богъ и истинный человѣкъ, однимъ словомъ Богочеловѣкъ.

Чтобы видѣть твердое основаніе сего общаго вѣрованія Христіанъ, для сего обратимъ вниманіе на исторію Іисуса Христа, на Его ученіе и на внѣшнія доказательства, свидѣтельствующія о Божественности Его и вмѣстѣ Его ученія.

Исторія Іисуса Христа *единственна*. Она представляетъ намъ рядъ происшествій, совершенно отличныхъ отъ обыкновенныхъ явленій жизни человѣческой, однихъ другимъ противоположныхъ, которыя могутъ быть совмѣщены только въ лицѣ Мессіи—Богочеловѣка. И кто сколько нибудь знаетъ исторію Іисуса Христа, тотъ не можетъ не благоговѣть предъ Нимъ.

Но какъ внѣшняя исторія Іисуса Христа *единственна*, такъ и внутренняя, или Его характеръ. Весьма важно для насъ изобразить характеръ Іисуса Христа, потому что въ немъ представленъ намъ образецъ высочайшаго нравственнаго совершенства, предъ которымъ каждый долженъ благоговѣть, и которому долженъ подражать. Но кто можетъ изобразить его? Для этого надобно имѣть такой же духъ и такое же сердце, какія имѣлъ Іисусъ Христосъ. Изложимъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя черты Его характера.

А) *Іисусъ Христосъ, пришедшій въ міръ для освобожденія человѣческаго рода отъ владычества грѣха, Самъ былъ совершенно непороченъ и чуждъ самомалѣйшаго грѣха.* Ибо Евангельская Исторія свидѣтельствуетъ, что хотя Онъ и былъ искушаемъ, дабы во всемъ быть подобнымъ намъ, кромѣ грѣха, былъ подверженъ величайшимъ бѣдствіямъ, трудностямъ при совершеніи своего великаго дѣла, злословію, клеветѣ и гоненію враговъ, видѣлъ предразсудки и слабости въ своихъ ученикахъ; но, среди всѣхъ сихъ обстоятельствъ, Онъ всегда является равно великимъ, такъ что самый строгій критикъ не найдетъ ни одной недостойной черты въ Его жизни. Поэтому въ своей непорочности Онъ могъ ссылаться на самыхъ враговъ своихъ: *Кто изъ васъ обличитъ Меня въ неправдѣ?* (Іоан. 8, 46.)

Пилатъ и Иродъ не находятъ въ Немъ ни какой вины, и первый даже торжественно свидѣтельствуетъ

о Его невинности: *Я ни какой вины не нахожу въ Немъ.* (Іоан. 18, 38.) *Не виновенъ я въ крови праведника сего.* (Матѳ. 27, 24.)

Сами враги Его, какъ тщательно ни наблюдали за Его дѣлами и ученіемъ, не нашли однакожъ въ Немъ ничего, достойнаго укоризны, кромѣ нарушенія субботняго покоя, простертаго ими до суевѣрія: *Первосвященники и старѣйшины и весь синедріонъ искали лжесвидѣтельства противъ Іисуса, чтобы предать Его смерти, и не находили.* (Матѳ. 26, 59.)

Самъ Іуда, который, будучи постояннымъ и неразлучнымъ спутникомъ Іисуса Христа, конечно совершенно зналъ все Его поведеніе, хотя, ослѣпленный корыстолюбіемъ, и сдѣлался предателемъ Его; но, побуждаемый и терзаемый совѣстію, невольно исповѣдуетъ Его невинность: *Согрѣшилъ я, предавъ кровь неповинную!*—И смерть Іуды можетъ служить памятникомъ невинности Іисуса Христа.

Б) *Іисусъ Христосъ представилъ намъ образецъ высочайшаго нравственнаго совершенства, которому всѣ мы должны подражать.*

Въ отношеніи къ небесному Отцу своему Іисусъ Христосъ оказывалъ безпредѣльную любовь и сыновнее послушаніе во всю жизнь—до послѣдняго дыханія на крестѣ: *Послушенъ былъ даже до смерти, и смерти*

крестной. (Фил. 2, 6.) Двенадцатилѣтнiй отвѣтствуетъ родителямъ въ храмѣ: *Зачѣмъ было вамъ искать Меня? Или вы не знали, что Мнѣ должно быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему?* (Лук. 2, 49.) Въ общественной жизни Онъ, совершенно забывая о самомъ Себѣ, всего Себя посвящаетъ тому великому дѣлу, для совершенiя котораго пришелъ въ мiръ. Все свое ученiе и дѣла производитъ отъ Отца, и все обращаетъ къ Нему, и при всѣхъ своихъ занятiяхъ имѣетъ въ виду одно—творить волю Отца своего: *Моя пища есть, творить волю пославшаго Меня и совершить дѣло Его.* (Iоан. 4, 34.) И одну часть своего великаго дѣла Онъ совершилъ своимъ ученiемъ и примѣрною жизнiю: *Я прославилъ Тебя на землѣ,* говорилъ Онъ не задолго предъ своею смертiю, *совершилъ дѣло, которое Ты поручилъ Мнѣ исполнить.* (Iоан. 17, 4.) Другую часть великаго своего дѣла Онъ исполнилъ своею смертiю, которую, по собственному Его свидѣтельству, принялъ добровольно, покорствуя волѣ Отца: *Отче! Не Моя, но Твоя воля да будетъ!* Послѣднее слово Его на крестѣ: *Совершилось!* было непреложная истина.

Въ отношенiи къ роду человѣческому Iисусъ Христосъ показалъ безпредѣльную любовь. Изъ любви пришелъ Онъ въ мiръ сей, дабы спасти насъ отъ грѣха и смерти и доставить намъ вѣчную жизнь, какъ самъ Онъ говоритъ: *Сынъ человѣческiй пришелъ взыскать и спасти погибшее;* и въ другомъ мѣстѣ: *Я пришелъ*

для того, чтобы имѣли жизнь. (Іоан. 10, 10.) Дѣлами любви и благости къ человѣчеству ознаменована была вся жизнь Его. Изъ любви наконецъ претерпѣлъ Онъ жестокія мученія, и принесъ въ жертву за спасеніе міра благодѣтельнѣйшую жизнь свою: *Я жизнь Мою полагаю за овецъ.* (Іоан. 10, 15.) Доказательство любви сильное! Ибо, скажемъ словами Спасителя, *нѣтъ больше сей любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ.* (Іоан. 16, 13.) И умирая на крестѣ въ жесточайшихъ мученіяхъ, Онъ молился за враговъ своихъ: *Отче! Прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ.*

Онъ молился и за васъ, которые позволяете себѣ дерзость, изрыгать хулу на Него и на Его Божественное ученіе!

Въ отношеніи къ самому Себѣ Іисусъ Христосъ показалъ твердость и величіе духа при всѣхъ трудностяхъ и препятствіяхъ при совершеніи великаго своего дѣла, при всей ненависти и гоненіяхъ со стороны враговъ, и въ самой жестокой, позорной смерти, добровольно Имъ принятой. Такъ, вступая въ великую должность просвѣтителя и спасителя человѣчества, Онъ отказываетъ Себѣ во всемъ, и всецѣло посвящаетъ Себя волѣ Отца и благу человѣчества. Нравственное преобразованіе, предпринятое Имъ, сопряжено было съ величайшими трудностями не только со стороны враговъ, но и со стороны Его учениковъ, и, не взирая на то,

Онъ продолжалъ трудиться надъ симъ великимъ дѣломъ охотно и радостно, жертвуя всѣмъ, и наконецъ самою жизнію. Онъ оканчиваетъ святѣйшую и благодѣтельнѣйшую жизнь свою позорною и ужасною смертію. Но чѣмъ позорнѣе и мучительнѣе страданія; тѣмъ выше является Страдалецъ, любящій Бога и человѣковъ!—Такъ, смотря на жизнь и смерть Іисуса Христа, и Руссо долженъ былъ сказать: «Если жизнь и смерть Сократа знаменуютъ мудреца; то жизнь и смерть Іисуса явно знаменуютъ Бога!»

И такъ характеръ Іисуса Христа высокъ и единственъ, достоинъ благоговѣнія отъ всѣхъ. Всѣ прочіе люди, прежде и послѣ Него, должны сказать каждый о себѣ: *Я человѣкъ, и ничего человѣческаго не почитаю чуждымъ для себя.*

Высокъ и *единственъ* характеръ Іисуса Христа; высоко и *единственно* и самое намѣреніе, предпринятое Имъ, потому что до Него никто не имѣлъ его.

Основатели государствъ, по самому своему званію, ограничивались однимъ какимъ нибудь народомъ.

Герои, оружіемъ спасавшіе свое отечество, часто причиняли бѣдствія другимъ народамъ.

Законодатели имѣли въ виду, споспѣшествовать благосостоянію одного только своего народа.

Философы, по своей системѣ и своему методу, заключали себя въ самый тѣсный кругъ.

Напротивъ намѣреніе, предпринятое Іисусомъ Христомъ, было то, чтобы возстановить все падшее человѣчество, и изъ всего человѣческаго рода составить нравственное царство Божіе. Это явствуетъ:

1) Изъ того, что Іисусъ Христосъ ясно объявляетъ о Себѣ, что Онъ посланъ въ міръ для спасенія міра, (Іоан. 3, 16.) и при началѣ своего общественнаго служенія повторяетъ то, что уже возвѣстилъ Его предтеча: *Покайтеся; ибо приближилось царство небесное.*

2) Изъ того, что, проповѣдуя свое ученіе, Онъ изъясняетъ, что наступаетъ время всеобщаго Богопоклоненія, (Іоан. 4, 24.) и что будетъ одно стадо и одинъ пастырь. (Іоан. 16, 16.)

И наконецъ 3) изъ словъ Его, сказанныхъ къ Пилату, что *царство Его не отъ міра сего, но царство истины.*

Такое великое и единственное намѣреніе Іисуса Христа показываетъ въ Немъ великій духъ, соединенный а) съ великою *мудростію*, объемлющею всѣ потребности всѣхъ людей, всѣхъ временъ и мѣстъ, б) съ высокимъ *мужествомъ*, могущимъ преобѣдить всѣ препятствія

нравственному преобразованію, и в) съ величайшею *благостію*, простирающеюся на все человѣчество.

Мы оказываемъ почтеніе тому, кто отличается однимъ изъ сихъ качествъ: уважаемъ мудраго, удивляемся герою, и питаемъ любовь къ другу человѣчества. Въ Іисусѣ Христѣ, и только въ Немъ одномъ, соединяются всѣ сіи качества—мудрость, мужество и благость—въ высочайшей степени и въ чудной гармоніи.

Откуда же такое величіе, такой высокій духъ въ бѣдномъ Назорянинѣ, который произошелъ отъ бѣдныхъ родителей, не имѣлъ ни какихъ способовъ-получить образованіе въ какой либо знаменитой школѣ отъ знаменитыхъ учителей, не имѣлъ ни какихъ благопріятствующихъ обстоятельствъ, — и вдругъ начертываетъ такой великій планъ, мужественно начинаетъ приводить его въ исполненіе, и въ минуту смерти съ полною увѣренностію говоритъ о его совершеніи: *Совершилось!*—Удовлетворительный отвѣтъ на это имѣетъ только тотъ, кто въ Іисусѣ признаетъ обѣтованнаго Мессію—*Богочеловѣка*.

Объ ученіи Іисуса Христа, или о внутреннихъ признакахъ Божественности Христіанства.

Что касается до ученія, преподаннаго Іисусомъ Христомъ, то въ немъ, при всѣхъ усиліяхъ и непріязненности враговъ, въ продолженіи XVIII столѣтій не только не найдено ничего, что было бы недостойно Бога, несообразно съ достоинствомъ человѣка, и не соотвѣтствовало бы его назначенію-истинѣ, нравственности и блаженству; напротивъ мужи мудрые, по строгомъ изслѣдованіи, всегда находили, что какъ характеръ Іисуса Христа, такъ и Его ученіе превыше всѣхъ недостатковъ, высоко, плодотворно, утѣшительно, и столько совершенно, что совершеннѣе сего разумъ человѣческій представить себѣ не можетъ. И безчисленное множество людей во всѣ времена опытомъ дознавали истину словъ Іисуса Христа: *Кто хочетъ исполнять волю Его* (Божію); *тотъ узнаетъ, отъ Бога ли Мое ученіе, или Я самъ отъ Себя говорю.* (Іоан. 7, 17.) *Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ; возьмите иго Мое на себя: иго Мое благо и бремя Мое легко.* (Матѳ. 11, 28. 29.)

Ученіе, преподанное Іисусомъ Христомъ, заключаетъ въ себѣ истины, 1) *постигаемыя* разумомъ, и 2) для разума *непостижимыя.*

1) Ученіе, *постигаемое* разумомъ, содержитъ въ

себѣ самыя высокія и чистыя понятія о Богѣ, о человѣкѣ и безсмертіи, и, предписывая намъ обязанности къ Богу, къ ближнему и къ самимъ себѣ, указываетъ на самый чистый источникъ оныхъ — на сыновнюю любовь къ Богу. Можно сказать, что Іисусъ Христосъ есть первый учитель и естественной Религіи въ ея истинной чистотѣ и плодотворности, въ какой мы не находимъ ея ни въ народныхъ Религіяхъ, ни въ системахъ философскихъ.

2) Ученіе Іисуса Христа, для разума человѣческаго *непостижимое*, не только утверждаетъ ученіе, постигаемое разумомъ, и дѣлаетъ его живымъ и дѣйственнымъ, но и преимущественно вспомоществуетъ поврежденному состоянію рода человѣческаго. Истины, въ немъ содержащіяся, будучи превыше нашего разумѣнія, находятся въ тѣсной связи съ истинами разумѣваемыми, и изъясняютъ, пополняютъ и подкрѣпляютъ ихъ, составляютъ съ ними одно прекрасное цѣлое, и имѣютъ благотворное вліяніе на нравственность.

Сіи высокія истины потому должны быть превыше человѣческаго разумѣнія, что онѣ суть откровенія вѣчнаго опредѣленія вѣчнаго Отца: *Возстановить падшее человѣчество, и возсоединить его съ Богомъ чрезъ вѣчное Слово, которое въ опредѣленное время должно было явиться — и явилось въ образѣ человѣческомъ.* Но кто изъ человѣковъ, говоритъ Апостолъ, знаетъ, что въ человѣкѣ, кромѣ

духа человѣческаго, живущаго въ немъ? Такъ и Божія никто не знаетъ, кромѣ Духа Божія. (1 Кор. 2, 11.)

Сіи высокія истины хотя превыше разума человѣческаго, но онѣ ни мало не противорѣчатъ ему, и находятся въ самой тѣсной связи со спасеніемъ міра. Будучи принимаемы вѣрою, онѣ имѣютъ сильное вліяніе на освященіе и облаженствованіе рода человѣческаго.

Сіи высокія истины дѣлаютъ человѣка внимательнымъ къ коренному злу, и способны вооружить его къ непрестанной борьбѣ съ нимъ, какъ на прим. ученіе о паденіи человѣка, о прирожденномъ нравственномъ повреждѣніи и о потребности высшей, Божественной помощи.

Сіи высокія истины способны воспламенить и поддержать духъ нашъ къ препобѣжденію зла въ насъ, потому что увѣряютъ насъ во всемощной и всегдашней помощи великаго Ходатая между Богомъ и человѣкомъ.

Сіи высокія истины способны поселить въ насъ дѣятельное начало нравственности—любовь, возвѣщая намъ безпредѣльное человѣколюбіе Божіе, по которому Онъ для спасенія міра ниспослалъ Единороднаго Сына своего.

Вотъ, краткое понятіе о сущности Христіанскаго ученія:

А) *Теоретическое* ученіе содержитъ въ себѣ полное

ученіе о нравственномъ царствѣ Божіемъ, и излагаетъ: 1) начало или учрежденіе сего царства, 2) возстановленіе сего царства, падшаго чрезъ грѣхъ, и наконецъ 3) совершеніе его въ будущей жизни.

1) Что касается до первой части теоретическаго ученія; то Іисусъ Христосъ а) Бога, котораго патріархи знали и почитали, какъ Всемогущаго (Шаддаи), Израильтяне, какъ Неизмѣняемаго (Іегова), сего Бога открываетъ намъ подъ именемъ Отца, и не какъ только творца и правителя міра, въ какомъ смыслѣ Онъ извѣстенъ былъ и язычникамъ, но какъ премудраго и всеблагаго воспитателя человѣковъ, въ ближайшемъ къ нимъ отношеніи. Такъ, повелѣвая любить враговъ, Онъ присоединяетъ слѣдующее убѣжденіе: *Да будете сынами Отца вашего небеснаго, потому что Онъ велитъ восходить солнцу своему надъ злыми и добрыми;* и далѣе: *Будьте же совершенны, потому что Отецъ вашъ небесный совершенъ есть.* Такія же понятія о Богѣ заключаются и въ молитвѣ Господней. Въ этой молитвѣ, равно какъ и въ послѣдней молитвѣ Іисуса Христа о вѣрующихъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ прекрасно выраженъ духъ Христіанской Религіи, духъ истинной любви, соединяющій человѣка съ Богомъ и со всѣмъ человѣчествомъ.

Имя, *Отецъ*, просто и высоко, понятно для простолюдина, важно для философа, и вообще благотворно для нравственности, доставляетъ спокойствіе сердцу,

и возбуждаетъ духъ нашъ къ свободной дѣятельности, потому что всѣ дѣла наши мы должны совершать въ присутствіи чадолюбиваго Отца, а не страшнаго какого либо властелина.

б) Іисусъ Христосъ возвѣщаетъ, что Единый Богъ есть вмѣстѣ и Троединый: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святый; и, называя Бога духомъ, учитъ, что Ему должно покланяться духомъ и истиною, и можно покланяться на всякомъ мѣстѣ.

в) Ученіе о человѣкѣ, предлагаемое Христіанскою Религіею, есть единственное. Съ одной стороны она внушаетъ намъ, что человѣческая природа находится въ крайнемъ повреждeніи, такъ что по природѣ мы сыны гнѣва, и имѣемъ нужду въ перерожденіи; съ другой стороны она проповѣдуетъ намъ о высокомъ достоинствѣ человѣка, и показываетъ его важное назначеніе, когда говоритъ, что мы чрезъ Іисуса Христа опять становимся сынами Божіими, братьями Іисуса Христа, и повелѣваетъ намъ быть совершенными, какъ совершенъ Отецъ небесный.

2) Вторая часть теоретическаго ученія, заключающая въ себѣ ученіе о возстановленіи царства Божія, 1) изображаетъ бѣдственное состояніе рода человѣческаго, 2) опредѣленіе Отца небеснаго о возстановленіи рода человѣческаго чрезъ Единороднаго Сына своего, и 3) описываетъ совершеніе сего великаго дѣла

Іисусомъ Христомъ, который своимъ ученіемъ и жизнію укрѣпилъ насъ противъ владычества грѣха, страданіями и смертію пріобрѣлъ отпущеніе грѣховъ, и даровалъ надежду вѣчной жизни.

3) Третья часть, заключающая въ себѣ ученіе о совершеніи нравственнаго царства Божія въ другой жизни, состоитъ въ томъ, что а) Іисусъ Христосъ обѣщаетъ вѣрующимъ вѣчную жизнь, и не только какъ неотъемлемую награду добродѣтели, но вмѣстѣ какъ даръ безпредѣльной благости, какъ наслѣдіе Отца небеснаго и сонаслѣдіе съ Іисусомъ Христомъ. Такъ въ послѣдней молитвѣ, обращаясь къ Отцу, Онъ молилъ Его: *Отче! Которыхъ Ты далъ Мнѣ, хочу, чтобы тамъ, гдѣ Я, и они были со Мною, да видятъ славу Мою, которую Ты далъ Мнѣ, потому что возлюбилъ Меня прежде основанія міра.* (Іоан. 17, 24.) б) Іисусъ Христосъ возвѣщаетъ не только о продолженіи бытія душъ по смерти, но и о всеобщемъ воскресеніи въ день суда, и это ученіе подтверждаетъ опытомъ, какъ то: воскресеніемъ Лазаря и другихъ, и собственнымъ своимъ возстаніемъ изъ мертвыхъ, которое, по ученію Апостола, есть образъ нашего воскресенія.

Такимъ образомъ символъ Христіанской Религіи содержитъ въ себѣ ученіе 1) о Единомъ Богѣ, всеблагомъ и святомъ Отцѣ всѣхъ человѣковъ и царѣ нравственнаго царства, 2) о Единородномъ Сынѣ Божіемъ, котораго Богъ Отецъ послалъ не только просвѣтить людей, но и

умереть за нихъ и возстановить разрушенный порядокъ въ нравственномъ царствѣ, 3) о Святомъ Духѣ, животворящемъ и освящающемъ, и наконецъ 4) о будущей жизни, гдѣ возстановленное нравственное царство должно достигнуть своего совершенія и полноты.

Главное положеніе ученія, постигаемаго разумомъ, въ которомъ Іисусъ Христосъ высокія и плодотворныя истины предлагаетъ безъ школьной методы, есть слѣдующее: *Богъ есть всѣхъ васъ Отецъ, а вы всѣ между собою братья.*

Главное положеніе ученія, для разума непостижимаго: *Іисусъ, Сынъ Божій, есть Искупитель человѣковъ!*

Б) Съ ученіемъ *теоретическимъ* Іисусъ Христосъ соединилъ и *практическое,* которое касается *должностей, побужденій и средствъ.*

Должности. Что касается до должностей; то, какъ всѣ люди причастны грѣху, Іисусъ Христосъ прежде всего требуетъ истиннаго покаянія и исправленія. Такъ, первое слово изъ устъ Его было: *Покайтеся,* и послѣднее Его порученіе Апостоламъ состояло въ томъ, чтобы они *проповѣдывали покаяніе во всѣхъ народахъ.*—Исправленіе должно начаться не отвнѣ, но извнутрь — съ улучшенія сердца; ибо *отъ сердца исходятъ помышленія и дѣла злыя.* (Матѳ. 15, 19.)

Поэтому онъ почитаетъ достойными осужденія не только дѣла, но и всѣ тайныя помышленія и желанія злыя; (Матѳ. 5, 28.) сильно возстаетъ противъ лицемѣрія; (Матѳ. 23, 13. и слѣд.) хочетъ, чтобы Христіане покланялись Богу духомъ и истиною, (Іоан. 4, 24.) съ искреннимъ расположеніемъ сердца, (Лук. 21, 3. 4.) и вообще старались о пріобрѣтеніи высшей праведности, нежели какова была фарисейская.

Самыя должности Іисусъ Христосъ не изчисляетъ всѣ подробно, но преимущественно указываетъ на начало, изъ котораго каждый могъ бы разумѣть свои обязанности,—имѣетъ цѣлію образовать характеръ.

Это начало есть любовь къ Богу отъ всего сердца, отъ всей души, отъ всей силы, и любовь къ ближнему, какъ къ самому себѣ.

Любовь къ Богу не должна состоять въ одномъ только чувствѣ, но должна быть дѣятельная, выражаемая соблюденіемъ заповѣдей, (Іоан. 14, 15.) подражаніемъ Богу, и отличающаяся ревностію ко благу человѣковъ по волѣ Божіей.

Любовь къ ближнему должна служить отличительнымъ признакомъ учениковъ Христовыхъ, должна быть дѣятельная, и, по примѣру Іисуса Христа и Отца небеснаго, сіяющаго солнце свое на добрыхъ и злыхъ,

должна простираться на всѣхъ людей, и даже на самыхъ враговъ.

Побужденія. Такъ какъ нравственныя состоянія людей и ихъ свойства различны; то Іисусъ Христосъ употребляетъ и различныя побужденія къ ихъ исправленію, каковы суть: страхъ и угрозы, обѣтованія вѣчной блаженной жизни, и наконецъ святость воли Божіей. Но собственно христіанское побужденіе къ добродѣтельной жизни заключается въ ниспосланіи Сына Божія для спасенія людей, въ Его страданіяхъ и смерти для пріобрѣтенія отпущенія грѣховъ и надежды вѣчнаго спасенія. Ибо ниспосланіе Сына Божія въ міръ сей и Его страданія и смерть съ одной стороны показываютъ намъ вѣчное правосудіе и святость, съ другой безконечную любовь къ роду человѣческому Отца и Сына,—а такимъ образомъ поселяютъ въ насъ страхъ грѣха, и вмѣстѣ побуждаютъ насъ отвѣтствовать взаимною любовію.

Средства. Чтобы люди не могли жаловаться на невозможность исполнить христіанскія обязанности, или на слабость своихъ силъ, Іисусъ Христосъ къ обыкновеннымъ средствамъ разума присоединилъ еще другія, каковы суть:

Собственный Его примѣръ: *Я далъ вамъ примѣръ, чтобы и вы дѣлали то же, что Я сдѣлалъ вамъ.* (Іоан. 13, 15.)

Обѣтованіе всемощной благодати: *Истинно, истинно говорю вамъ: о чемъ ни попросите Отца во Имя Мое, дастъ вамъ.* (Іоан. 16, 23.)

Учрежденіе Церкви, которая, кромѣ другихъ пособій для добродѣтели, содержитъ въ себѣ семь таинственныхъ священнодѣйствій, простыхъ по свойству, высокихъ по смыслу и плодотворныхъ для благочестія.

Нравственность Іисуса Христа приспособлена ко всему роду человѣческому: она чиста, высока, и однакожъ человѣческая, принимаетъ людей, каковы они есть, и руководствуетъ ихъ къ тому, каковыми должны быть; обязанности, побужденія и средства не ограничены временемъ, мѣстомъ и классомъ людей, но приспособлены ко всему роду человѣческому всѣхъ временъ и мѣстъ.

О внѣшнихъ признакахъ Божественности Христіанской Религіи.

Откуда получилъ такое высокое и таинственное ученіе Іисусъ Христосъ, который родился и воспитывался а) среди народа, не славившагося просвѣщеніемъ, приверженнаго къ обрядамъ и съ національною гордостію ожидавшаго въ Мессіи земнаго царя, б) въ такое время, когда политическое, религіозное и литературное состояніе этого народа было самое плачевное, в) отъ бѣдныхъ родителей, знаменитыхъ благочестіемъ, но не ученостію, и г) при томъ въ Назаретѣ, который и у самихъ Іудеевъ былъ въ презрѣніи?—Послушаемъ, что самъ Онъ говоритъ о томъ.

Іисусъ Христосъ постоянно и ясно свидѣтельствовалъ о Себѣ, что Онъ посланникъ и Сынъ Божій, который получилъ отъ Бога не только заповѣдь—проповѣдывать ученіе, но и самое ученіе.

1) *Іисусъ Христосъ утверждаетъ, что Онъ получилъ отъ Отца заповѣдь или порученіе—преподать Религію.*

Всѣ мѣста, въ которыхъ Онъ возвѣщаетъ о своемъ посланничествѣ отъ Бога, и при томъ въ высшемъ смыслѣ, нежели Моисей и пророки, указываютъ на это значеніе. Такъ, Онъ требуетъ вѣры, потому что Богъ послалъ Его: *Такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ*

Сына своего Единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную. Ибо не послалъ Богъ Сына Своего, чтобы судить міръ, но чтобы міръ спасенъ былъ чрезъ Него. (Іоан. 3, 16.) *Дѣла, которыя Отецъ далъ Мнѣ совершить, самыя дѣла сіи свидѣтельствуютъ о Мнѣ, что Отецъ послалъ Меня.* (Іоан. 5, 36.) Также Онъ изъясняетъ, что кто въ Него вѣруетъ, тотъ вѣруетъ въ Бога: *Вѣрующій въ Меня не въ Меня вѣруетъ, но въ пославшаго Меня.* (Іоан. 12, 40.) Также Онъ ясно говоритъ, что Онъ учитъ не по своему произволу, но Отецъ далъ Ему заповѣдь, чему учить Онъ долженъ: *Я говорилъ не отъ Себя, но пославшій Меня Отецъ далъ Мнѣ заповѣдь, что сказать и что говорить.* (Іоан. 12, 43.)

2) *Іисусъ Христосъ утверждаетъ, что и самое содержаніе своего ученія Онъ получилъ отъ Бога Отца.* Такъ Онъ говоритъ: *Что Я слышалъ отъ Него, то и говорю міру.* (Іоан. 8, 26.) *Мое ученіе не Мое, но пославшаго Меня. Кто хочетъ творить волю Его, тотъ узнаетъ о семъ ученіи, отъ Бога ли оно, или Я самъ отъ Себя говорю.* (Іоан. 7, 16. 17.)

Такое свидѣтельство Іисусъ Христосъ далъ:

а) Народу: *И дивились Іудеи, говоря: какъ Онъ знаетъ Писанія, не учившись?—Іисусъ, отвѣчая имъ, сказалъ: Мое ученіе не Мое, но пославшаго Меня.*

б) Апостоламъ въ прощальной своей бесѣдѣ съ ними. (Іоан. 13—16.) и въ молитвѣ къ Отцу своему: *Сія есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя, единаго истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Іисуса Христа. Нынѣ уразумѣли они, что все, что Ты далъ Мнѣ, отъ Тебя есть: ибо слова, которыя Ты далъ Мнѣ, Я передалъ имъ, и они приняли и уразумѣли истинно, что Я изшелъ отъ Тебя, и увѣровали, что Ты послалъ Меня.* (Іоан. 17, 3. 7. 8.)

Это же самое засвидѣтельствовалъ Іисусъ Христосъ предъ Каіафою, когда тотъ заклиналъ Его именемъ Бога, сказать о Себѣ истину, и также предъ Пилатомъ: *Царство Мое не отъ міра сего.* Сіе свидѣтельство Іисуса Христа о Самомъ Себѣ, уже важное и достойное всей вѣры по высокому нравственному Его характеру, подтверждено различными Его чудесами, пророчествами, воскресеніемъ и вознесеніемъ на небо.

Чудеса Іисуса Христа.

Чудеса являются здѣсь необходимыми, если обратимъ вниманіе 1) *на лице Іисуса Христа,* который, по внѣшнему своему состоянію являясь бѣднымъ Галилеяниномъ, и происходя изъ Назарета, не иначе могъ возбудить вниманіе къ своему ученію и пріобрѣсть всеобщую вѣру въ Его Божественность, какъ только дѣлами выше—человѣческими.

2) *На Его цѣль,* которая состояла въ томъ, чтобы Ему, какъ Мессіи, преподать новое ученіе. Эта цѣль не могла быть достигнута безъ чудесъ, потому что Ветхозавѣтное ученіе, преподанное чрезъ Моисея, утверждено было многими чудесами.

3) *На тогдашнее состояніе народа Еврейскаго,* который въ это время ожидалъ Мессію, облеченнаго земнымъ величіемъ и блескомъ, и чудеса считалъ необходимыми для доказательства Его Божественнаго посланничества. Такъ, когда Іисусъ Христосъ въ первый разъ явился въ храмѣ Іерусалимскомъ въ качествѣ учителя, и изгналъ изъ него торгующихъ; то отъ Него тотчасъ потребовали чудесъ: *Какимъ знаменіемъ докажешь Ты намъ, что имѣешь власть такъ поступать?* (Іоан. 2, 18.) И при другомъ случаѣ они сказали Ему: *Какое Ты дашь знаменіе, чтобы мы увидѣли и повѣрили Тебѣ?* (Іоан. 6, 30.) Также извѣстно, что многіе Іудеи, въ слѣдствіе чудесъ, совершенныхъ Іисусомъ Христомъ, увѣровали въ Него, и тѣмъ, которые сомнѣвались признать и не признавали Его за Мессію, говорили: *Когда пріидетъ Христосъ, не уже ли сотворитъ больше знаменій, нежели сколько Сей сотворилъ?* (Іоан. 7, 31.)

Чудеса, совершенныя Іисусомъ Христомъ, можно раздѣлить на три класса.

Къ первому классу принадлежатъ мгновенныя и постоянныя врачеванія различныхъ и неисцѣльныхъ бо-

лѣзней, совершенныя однимъ словомъ, иногда прикосновеніемъ; таковы на примѣръ: 1) исцѣленіе разслабленнаго при купальнѣ, совершенное въ субботу, и подавшее Іисусу Христу случай, съ такою разительностію объявить о своемъ достоинствѣ, 2) исцѣленіе слѣпаго отъ рожденія, о чемъ учинено было судебное слѣдствіе, 3) исцѣленіе слуги сотника и сына царедворца, совершенное въ ихъ отсутствіи, и 4) исцѣленіе разслабленнаго, разбитаго параличемъ,—при чемъ Іисусъ Христосъ доказалъ, что имѣетъ власть отпускать грѣхи.

Ко второму классу относятся чудеса, которыми Іисусъ Христосъ показалъ себя владыкою природы, таковы: 1) претвореніе воды въ вино, 2) укрощеніе бури и хожденіе по водѣ, и 3) насыщеніе пяти тысячъ человѣкъ пятью хлѣбами.

Третій классъ чудесъ Христовыхъ составляютъ воскрешенія мертвыхъ, какъ то: 1) воскрешеніе сына Наинской вдовы, совершенное прикосновеніемъ ко гробу и словами: *Юноша! Тебѣ говорю, встань!* 2) воскрешеніе дочери Іаира, начальника синагоги, совершенное прикосновеніемъ и словомъ, и 3) воскрешеніе Лазаря, четырехдневнаго мертвеца, совершенное однимъ словомъ,—о каковомъ происшествіи совѣтъ Іудейскій разсуждалъ въ полномъ собраніи.

Что сіи чудеса такъ точно совершены Іисусомъ Христомъ, какъ повѣствуются Евангелистами, это несомнѣнно по важности свидѣтелей.

Непосредственные свидѣтели чудесъ суть сами Евангелисты и Апостолы, которые не только видѣли ихъ, или слышали объ нихъ, но и сами получили отъ Іисуса Христа даръ—совершать чудеса, и которые въ самомъ образѣ повѣствованія своего представляютъ очевидныя доказательства своей искренности.

Посредственные свидѣтели суть какъ всѣ Іудеи и язычники, обратившіеся въ Христіанство, каковое обращеніе безъ чудесъ было бы величайшимъ чудомъ, такъ и начальники Іудейскіе: Никодимъ, Іаиръ и весь верховный Совѣтъ Іудейскій, который, не могши отвергнуть очевидности чуда, (воскрешенія Лазаря) разсуждаетъ: *Что намъ дѣлать? Этотъ человѣкъ много чудесъ творитъ?* и наконецъ полагаетъ: *Лучше пусть одинъ человѣкъ умретъ за людей, нежели весь народъ погибнетъ.*

Сіи дѣйствія были истинныя чудеса т. е. не дѣйствія искусства, или случая, но дѣйствія Божественныя. И 1) нѣтъ ни какихъ признаковъ искусства, потому что и въ наше просвѣщенное время разумъ не можетъ изъяснить ихъ изъ силъ и законовъ естественныхъ; 2) мысль о случайности уничтожается, какъ чрезвычайнымъ множествомъ и разнообразіемъ сихъ чудесъ, совершавшихся всегда по волѣ Іисуса Христа, такъ и прекраснымъ согласіемъ ихъ съ ученіемъ и цѣлію Его. Посему мы справедливо съ современниками Іисуса Христа, Никодимомъ, Іаиромъ и другими, признаемъ въ чудесахъ Его Божественную силу.

Говоря о чудесахъ Іисуса Христа, Гуго замѣчаетъ: «Не былъ ли самъ Іисусъ Христосъ чудомъ? Напрасно «обращаемся мы къ Его народу, къ обстоятельствамъ «Его рожденія и воспитанія, которыя на тридцатомъ «году жизни произвели такого Сократа, который не«сравненно превосходитъ Аѳинскаго въ жизни и смерти, «высокостію понятій и чистотою ученія, и при томъ «тамъ, гдѣ подъ владычествомъ предразсудковъ, суевѣрія «и при упадшей народности самыя отличныя даро«ванія и способности могли быть совершенно подавле«ны. И сколько времени трудился Онъ надъ измѣне«ніемъ міра? Очень немногіе годы. Онъ просіялъ, какъ «молнія, которая въ одно мгновеніе ока исходитъ отъ «востока, и блистаетъ до запада.»

Чудеса, совершенныя Іисусомъ Христомъ, не только свидѣтельствовали о Его любви къ роду человѣческому, и тѣмъ возбуждали и приготовляли сердца къ слушанію и принятію Его ученія, но и доказывали (и доказываютъ) Его Божественное посланничество и вмѣстѣ Божественное начало Его ученія.

Это открывается 1) изъ свойства чудесъ; ибо они не иначе могли произойти, какъ отъ Божественной силы, которую Богъ можетъ сообщить только провозвѣстнику истинной Религіи.

2) Изъ ясныхъ словъ о томъ самого Іисуса Христа, сказанныхъ Имъ а) къ народу: *Дѣла, которыя*

Отецъ далъ Мнѣ совершить, самыя сіи дѣла, Мною совершаемыя, свидѣтельствуютъ о Мнѣ, что Отецъ послалъ Меня. (Іоан. 5, 36) *Если Я не творю дѣлъ Отца Моего, не вѣрьте Мнѣ; а если творю, то, когда не вѣрите Мнѣ, вѣрьте дѣламъ Моимъ, чтобы познать и повѣрить, что Отецъ во Мнѣ и Я въ Немъ.* б) Къ ученикамъ Іоанновымъ: *Скажите Іоанну, что слышите и видите: слѣпые прозрѣваютъ, хромые ходятъ, прокаженные очищаются, глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ и нищіе благовѣствуютъ.* (Матѳ. 11, 4. 5.) И в) къ Апостоламъ: *Слова, которыя говорю Я вамъ, говорю не отъ Себя. Отецъ, пребывающій во Мнѣ, Онъ творитъ дѣла. Вѣрьте Мнѣ, что Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ; а если не такъ, то вѣрьте Мнѣ по самымъ дѣламъ.* (Іоан. 14, 10. 11.) *Если бы Я не творилъ между ими дѣлъ, какихъ никто другой не дѣлалъ, то не имѣли бы грѣха; а теперь и видѣли и возненавидѣли и Меня и Отца моего.* (Іоан. 15, 24.)

3) Изъ самаго дѣйствія чудесъ; ибо Евангелисты, повѣствуя о чудесахъ, присовокупляютъ, что многіе, по причинѣ оныхъ, увѣровали въ Іисуса Христа.— Такъ Никодимъ говоритъ: *Равви! Мы знаемъ, что Ты учитель, пришедшій отъ Бога; ибо такихъ чудесъ, какія Ты творишь, никто не можетъ творить, если не будетъ съ нимъ Богъ.* Сами первосвященники и фарисеи говорили въ Совѣтѣ: *Что намъ*

дѣлать? Этотъ человѣкъ много чудесъ творитъ. Если оставимъ Его такъ; то всѣ увѣруютъ въ Него.

Пророчества Іисуса Христа.

Кромѣ чудесъ Іисусъ Христосъ подтвердилъ истину своего свидѣтельства о Себѣ и своемъ ученіи пророчествами.

Хотя Іисусъ Христосъ въ продолженіи великаго служенія своего много разъ доказывалъ знаніе какъ вещей сокровенныхъ, такъ и будущихъ; но здѣсь особенно должно упомянуть о двухъ Его пророчествахъ: а) о Его собственной судьбѣ и б) о судьбѣ города, храма и народа Іудейскаго.—Какъ ясно и опредѣленно предсказалъ Онъ свою судьбу, когда говорилъ, что одинъ изъ Его учениковъ предастъ Его архіереямъ и книжникамъ, которые осудятъ Его на смерть, предадутъ Его язычникамъ на поруганіе, оплеваніе, біеніе и распятіе, и что Онъ въ третій день воскреснетъ, что всѣ ученики оставятъ Его, и Петръ до пѣнія пѣтуха отречется отъ Него трижды,—послѣднее тѣмъ болѣе замѣчательно, что предсказано въ то время, когда Петръ, безъ сомнѣнія, искренно свидѣтельствовалъ, что онъ никакъ не оставитъ своего Учителя, хотя бы всѣ оставили Его,—и предсказано очень опредѣленно. Ясно также Онъ предсказалъ и судьбу города, храма и народа Іудейскаго. Такъ Онъ говорилъ ученикамъ своимъ: *Пріидутъ дни, въ которые все, что видите, будетъ разрушено такъ, что*

не останется камня на камнѣ. Будетъ бѣдствіе великое на землѣ и гнѣвъ на народъ сей. И падутъ отъ острія меча, и отведутся въ плѣнъ во всѣ народы, и Іерусалимъ будетъ попираемъ язычниками, доколѣ не окончатся времена язычниковъ. (Лук. 21, 6. 23.) Когда же ученики спросили: *Учитель! Когда это будетъ?* Онъ отвѣчалъ: *Не прейдетъ родъ сей, какъ все сіе сбудется.* Тотъ же самый отвѣтъ заключается и въ словахъ Его, сказанныхъ Имъ къ плакавшимъ о Немъ женщинамъ: *Дщери Іерусалимскія! не плачьте обо Мнѣ, но плачьте о себѣ и о дѣтяхъ вашихъ.* и проч. (Лук. 23, 28.)

Если пророчества Інсуса Христа поставить въ одинъ рядъ съ Его чудесами, и тѣ и другія сообразить съ цѣлію Его посланничества на землю; то на чудеса Его падаетъ новый свѣтъ.

1) Первоначально человѣкъ былъ въ единеніи съ Богомъ.

2) Сіе первоначальное достоинство человѣка утрачено чрезъ грѣхъ.

3) Сіе первоначальное достоинство снова долженствовало быть возстановлено чрезъ Інсуса Христа.

4) Если же такъ; то Самъ Онъ долженъ быть едино съ Богомъ, и открыть сіе единеніе.

5) Но какъ Божественное может быть познано во всемогуществѣ—въ отношеніи къ природѣ, и во всевѣденіи—въ отношеніи ко времени, и какъ всемогущество открывается въ чудесахъ, а всевѣденіе въ пророчествахъ; то чудеса и пророчества Іисуса Христа являются какъ два откровенія въ Немъ Его единства съ Богомъ, и чрезъ нихъ мы познаемъ въ Немъ Богочеловѣка.

Воскресеніе Іисуса Христа.

Наконецъ свидѣтельство Іисуса Христа запечатлѣно и увѣнчано Его воскресеніемъ, которое Онъ предсказалъ опредѣленнымъ образомъ. Такъ Онъ говорилъ ученикамъ Своимъ на пути въ Іерусалимъ: *Вотъ, мы восходимъ въ Іерусалимъ, и Сынъ человѣческій будетъ преданъ первосвященникамъ и книжникамъ, и осудятъ Его на смерть; и въ третій день воскреснетъ.* Также, когда фарисеи въ одно время требовали отъ Него чудесъ, Онъ отвѣчалъ, что *имъ не дастся другаго знаменія, кромѣ знаменія пророка Іоны.* (На трехдневное пребываніе Іоны во чревѣ кита Іисусъ Христосъ указываетъ, какъ на прообразованіе трехдневнаго пребыванія своего въ нѣдрахъ земли.) Также, когда Іисусъ Христосъ въ первый разъ явился во храмѣ Іерусалимскомъ въ качествѣ Учителя, и изгналъ изъ него торгующихъ, и первосвященники въ доказательство власти Его потребовали отъ Него чудесъ, Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: *Вы разорите храмъ сей,* указывая на Себя, *и Я въ три дня воздвигну его.*

Что Іисусъ Христосъ истинно воскресъ, какъ предсказалъ, это явствуетъ изъ того, что о семъ повѣствуютъ Евангелисты и Апостолы, которымъ Іисусъ Христосъ являлся въ продолженіи 40 дней, открывалъ таины царствія, и представилъ самыя ясныя доказательства своего воскресенія.

Истина же свидѣтельства Апостоловъ является несомнѣнною изъ перемѣны, происшедшей въ ихъ мнѣніи о Мессіи, изъ ихъ вѣры, ихъ мужества, съ которымъ они безбоязненно проповѣдуютъ Воскресшаго—(тѣ самые люди, которые прежде, убоявшись, оставили Его, осужденнаго на смерть) и свое свидѣтельство подтверждаютъ своею жизнію, чудесами и самою смертію. (*)

Воскресеніемъ Іисуса Христа торжественно утверждается Божественность Его и Его ученія. Ибо если бы ученіе Іисуса Христа не было Божественное: то предсказаніе Его о своемъ воскресеніи не сбылось бы. А потому

(*) Противъ клеветъ Іудеевъ, что будто ученики украли тѣло Его, можно сказать: за чѣмъ же не учинили слѣдствія о столь важномъ дѣлѣ, и не наказали учениковъ? Ибо извѣстно, какъ много верховный Совѣтъ Іудейскій боялся того, чтобы ученики, укравши тѣло Іисуса Христа, не сказали, что Онъ воскресъ. Напротивъ того, мы видимъ, что Апостолы свободно проповѣдывали о Воскресшемъ, и тогда только начали ихъ преслѣдовать,—и то не рѣшительно, когда восемь тысячъ душъ обратилось къ Іисусу Христу.

Апостолы смотрятъ на воскресеніе Іисуса Христа, какъ на самое главное въ Его исторіи, какъ на основаніе вѣры. Такъ Апостолъ Павелъ, проповѣдуя въ Аѳинскомъ Ареопагѣ о распятомъ Іисусѣ, говоритъ, что Богъ *далъ о Немъ доказательство всѣмъ, воскресивъ Его изъ мертвыхъ.* (Дѣян. 17, 31.) Самъ Іисусъ Христосъ указывалъ на свое воскресеніе, какъ на важнѣйшее изъ всѣхъ чудесъ, какъ на главное доказательство Его Божественнаго достоинства. (Іоан. 2, 19.)

И оно дѣйствительно было такимъ не только а) *для Апостоловъ,* для которыхъ оно было несравненно поразительнѣе и поучительнѣе, нежели небесный гласъ при Іорданѣ и на Ѳаворѣ, и возбудило въ нихъ такое мужество, что они—прежде робкіе и боязливые—не взирая на всѣ гоненія и самую смерть, небоязненно проходятъ великое свое званіе, и истину своего свидѣтельства о Христѣ, Распятомъ и Воскресшемъ, запечатлѣваютъ своею мученическою смертію, но и б) *для всего міра,* въ которомъ вѣра въ Распятаго и Воскресшаго въ самомъ началѣ была принята, постоянно хранилась, и сохраняется доселѣ ко благу человѣковъ.

Воскресеніе Іисуса Христа не осталось безъ благотворнаго дѣйствія и для самихъ враговъ Его, какъ о томъ было Имъ предсказано. (Матѳ. 12, 39.) Такъ въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ мы читаемъ, что, по Воскресеніи Іисуса Христа, очень многіе и изъ Іудейскихъ священниковъ, которые, какъ извѣстно, при жизни Его враж-

довали противъ Него, покорились Вѣрѣ, то есть, приняли Христіанскую Религію. (Дѣян. 6, 7.)

Вознесеніе Іисуса Христа.

Съ воскресеніемъ Іисуса Христа тѣсно соединяется Его вознесеніе, или возшествіе на небо. Сіе возшествіе Іисуса Христа было предсказано Имъ въ бесѣдѣ Его съ Никодимомъ: *Никто не восходилъ на небо, какъ только сшедшій съ небесъ, Сынъ человѣческій, сущій на небесахъ*,—и также при другомъ случаѣ, когда ученики не понимали ученія Его о хлѣбѣ животномъ, дающемъ жизнь вѣчную, Онъ сказалъ: *Это ли васъ соблазняетъ? Что же, если увидите Сына человѣческаго восходящаго туда, гдѣ былъ прежде?* Вознесеніе Іисуса Христа доказываетъ, что Онъ исполнилъ волю Отца своего, совершилъ великое дѣло свое на землѣ, и продолжаетъ его на небѣ, и потому свидѣтельствуетъ о Божественности Его и Его ученія, и вмѣстѣ побуждаетъ насъ къ благочестію и надеждѣ.

Итакъ Религія, преподанная Іисусомъ Христомъ, есть истинно Божественная, потому что имѣетъ всѣ признаки истиннаго Божественнаго Откровенія, какъ внутренніе, такъ и внѣшніе, такіе признаки, при которыхъ вѣрующій съ полнымъ сознаніемъ и убѣжденіемъ можетъ сказать вмѣстѣ съ Апостоломъ Павломъ: *Я знаю, въ кого вѣрую!* (2 Тим. 1, 12.)

Доказательство Божественности Христіанской Религіи изъ ея исторіи.

Божественное достоинство Христіанской Религіи, открывающееся изъ самаго ея содержанія, доказанное чудесами, пророчествами, воскресеніемъ и вознесеніемъ Іисуса Христа, утверждается кромѣ того и всею исторіею Христіанства, которая какъ въ началѣ, такъ и въ распространеніи и въ продолженіи, представляетъ очевидные признаки Божественнаго содѣйствія. Здѣсь можно сказать, согласно съ Гамаліиломъ, что, по обыкновенному ходу произшествій, Христіанство, по смерти своего Основателя, должно было или совершенно истребиться, или если и продолжиться, то развѣ только въ маломъ кругу учениковъ. Но какъ дѣло Божіе, касающееся блага всего человѣчества, оно долженствовало распространиться между народами всѣхъ временъ и всѣхъ мѣстъ.

Признаки содѣйствія Божія суть слѣдующія:

1) Христіанская Религія явилась въ *такое время*, когда, по причинѣ величайшаго всеобщаго развращенія рода человѣческаго, особенная и всеобщая была нужда въ Божественной помощи, и когда Римская Имперія, сдѣлавшись едва не всеобщею, представляла великое удобство къ распространенію истинной Религіи между всѣми народами.

2) Она явилась въ *такомъ мѣстѣ*, изъ котораго

только истинная Религія и могла произойти, и по сказанію пророчествъ и должна была произойти: *Отъ Сіона изыдетъ законъ и слово Господне изъ Іерусалима*,—и гдѣ не процвѣтала мудрость человѣческая, дабы чрезъ то яснѣе могла быть познана премудрость Божія.

3) Проповѣдана и распространена чрезъ Апостоловъ и ихъ учениковъ, не имѣвшихъ ни какой другой важности и силы, и не употреблявшихъ ни какого другаго оружія, кромѣ силы истины и дѣлъ, очевидно свидѣтельствовавшихъ о Божественномъ содѣйствіи. И съ какою быстротою распространилась она?—Еще при жизни Апостоловъ, она уже распространилась въ столь многихъ мѣстахъ, что Апостолъ Петръ первое посланіе свое пишетъ къ братіямъ въ Понтѣ, Галатіи, Каппадокіи, Асіи и Виѳиніи. Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Колоссянамъ говоритъ, что *Евангеліе принесло плодъ во всемъ мірѣ*, а въ посланіи къ Римлянамъ: *Во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ*,—и посылаетъ посланія ко многимъ церквамъ. Объ Іоаннѣ повѣствуютъ, что онъ основалъ церкви во всей Азіи, и управлялъ ими. То же явствуетъ и изъ словъ Тацита, (*) современника Апостоловъ, и Плинія младшаго. (**)

(*) Тацитъ пишетъ: Superstitionem exitialem, такъ называетъ онъ Христіанство, non modo per Judaeam, sed etiam per urbem erupisse, ut Romae ingens sit multitudo. Annal. XV.

(**) Плиній въ письмѣ къ Траіяну: Multi omnis aetatis, omnis

Изъ сихъ свидѣтельствъ открывается: 1) что *Христіанская Религія проповѣдуема была всенародно, а не въ частныхъ какихъ либо и малоизвѣстныхъ мѣстахъ.* Въ Римѣ и Аѳинахъ, столицахъ тогдашней философіи и политики, въ Коринѳѣ, Ефесѣ и Колоссахъ были уже значительныя Христіанскія церкви.

2) Что *первые Христіане не всѣ были люди неученые, изъ простаго только народа.* Конечно Евангеліе оказало великое благодѣяніе, принявши подъ свое покровительство сей классъ людей, оставленный философами безъ всякаго вниманія, и образовавши изъ него людей добрыхъ, нравственныхъ; но кромѣ того оно въ самомъ началѣ между учениками своими имѣло и людей знаменитыхъ, какъ изъ Іудеевъ, такъ и изъ язычниковъ,—каковы были: изъ Іудеевъ—Никодимъ и Іосифъ, изъ язычниковъ—Діонисій Ареопагитъ и нѣкоторые изъ придворныхъ Нерона. (Фил. 4, 22.)

3) Что безчисленное множество людей всякаго состоянія и возраста въ самое короткое время не только приняли Христіанство, но и запечатлѣли свою вѣру въ него своею жизнію и смертію:

Распространеніе Христіанской Религіи посредствомъ Апостоловъ есть великое дѣло. «*Трудно,*» говоритъ Пла-

---

conditionis et utriusque sexus vocantur in periculum: neqve enim civitates tantum, sed vicos etiam atque agros superstitionis istius contagio pervagata est. Ep. 97. L. X.

тонъ, «*найти Отца и виновника вселенной; но если* «*и найдешь Его, то невозможно сдѣлать Его извѣ*-«*стнымъ для всѣхъ.*» Напротивъ того Іисусъ Христосъ далъ повелѣніе своимъ Апостоламъ—итти во весь міръ, и проповѣдать Евангеліе всѣмъ народамъ. И сіи немногіе и неученые посланники, не облеченные ни какою земною властію, ненавистные для язычниковъ, какъ Іудеи, и для самихъ Іудеевъ, какъ Галилеяне, ученики Назорянина, повинуются повелѣнію своего Учителя, и повсюду пріобрѣтаютъ Ему послѣдователей, пріобрѣтаютъ не обѣщаніемъ какихъ либо земныхъ выгодъ и преимуществъ, ибо были бѣдны и гонимы, не силою и искусствомъ краснорѣчія, потому что были люди неученые, но простымъ, общепонятнымъ и свободнымъ провозвѣстіемъ Евангелія. И кто знаетъ людей, тотъ долженъ назвать это великимъ дѣломъ, что 1) Іисусъ распятый, который, по словамъ Апостола, былъ *соблазномъ для Іудеевъ, безуміемъ для язычниковъ*, въ самомъ началѣ уже имѣлъ своихъ послѣдователей въ столицахъ Іудейства и язычества, и что 2) Іудеи и язычники, которые доселѣ раздѣлены были другъ отъ друга Религіею, и питали взаимную ненависть, соединились въ одной общей Религіи, составили одну общую Церковь, и 3) что земный Іудей и сладострастный язычникъ, согласно съ ученіемъ Евангелія, измѣнили свой духъ и свой образъ жизни. (*)

(*) Руссо удивляется, что онъ въ образованномъ городѣ едва можетъ найти четырехъ прозелитовъ для своей философіи, между тѣмъ какъ миссіонеры обращаютъ цѣлыя страны.

Посему разумъ въ распространеніи Христіанства посредствомъ Апостоловъ не можетъ не признать особеннаго содѣйствія Божія, и тѣмъ съ большимъ убѣжденіемъ, чѣмъ яснѣе представитъ себѣ всѣ препятствія, которыя Христіанство должно было встрѣчать повсюду.

Препятствія распространенію Христіанства были какъ *внутреннія*, происходившія изъ отношенія новаго ученія къ уму и сердцу язычниковъ и Іудеевъ, потому что отъ нихъ требовалось не только оставленіе прежней Религіи и принятіе новой, но и совершенное измѣненіе сердца и образа жизни,—такъ и *внѣшнія*, потому что принимавшіе Христіанство подвергались опасностямъ, лишиться не только спокойствія, чести и земнаго благосостоянія, но нерѣдко и самой жизни, и за всѣ пожертвованія для новой Религіи имъ обѣщана была отдаленная, выше-земная награда.—И есть ли во всей исторіи міра что либо подобное тому, что двенадцать Галилейскихъ рыбаковъ произвели столь благодѣтельнѣйшее нравственное преобразованіе въ родѣ человѣческомъ!

Важнымъ доказательствомъ Божественности Христіанской Религіи служитъ а) обращеніе Апостола Павла, которое изъ обыкновенныхъ причинъ необъяснимо,—и б) то высокое непоколебимое мужество Христіанскихъ исповѣдниковъ и мучениковъ, съ какимъ они выдерживали самыя ужаснѣйшія мученія за Іисуса Христа, и которое, будучи соединено съ кроткимъ

спокойствіемъ духа, явно свидѣтельствовало о неземномъ своемъ происхожденіи, и многихъ обратило къ Вѣрѣ. (*)

И такъ не недостатокъ указаній на Божественное происхожденіе Христіанской Религіи бываетъ причиною невѣрія: иначе Христіанство въ числѣ своихъ исповѣдниковъ не имѣло бы столько просвѣщенныхъ мужей съ глубокими и основательными знаніями.—Кто проникнутъ любовію къ истинѣ и желаніемъ, съ познанною истиною сообразовать свою жизнь,—*кто хочетъ исполнять волю Божію:* тотъ познаетъ, что Христіанская Религія есть истинная, Божественная. (Іоан. 7, 17.)

(*) Сознавая полноту и силу доказательствъ, убѣждающихъ въ Божественности Христіанства, Ла-Брюеръ такъ выразился о немъ: «Если исповѣдуемая мною Религія не есть истинная; то это такія искусныя сѣти, которыхъ избѣжать невозможно.»

А
Б
3
Р